

ПРАВОСЛАВНАЯ КНИГА В ДОРОГУ

Александр
Петров

СТРАНСТВУЮЩИЙ

Это о тебе, о твоей жизни

Александр Петров
Странствующий

«Автор»

2003

Петров А.

Странствующий / А. Петров — «Автор», 2003

Тихон с детства мечтал пройти дорогами странствий. Только образ жизни не позволял ему вырваться из цепких оков бизнеса, что привело его к духовному кризису и теплохладности. И вот Господь дарует ему такую возможность: он теряет работу, жену, деньги, машину. Тихон поднимается, выходит из дому и ступает на путь странничества – духовного путешествия не только по земным дорогам, но и путями прошлого, будущего и даже с погружением во ад и восхождением в рай. Некоторое время Москва не отпускает его, сталкивая со знакомыми, которым он указывает путь к храму. В Коломенском он обретает спутника – опытного странника, то ли человека, то ли ангела. Они вместе путешествуют по городам и весям, не задумываясь, что им есть и где спать, целиком отдавшись на волю Божию, соединив дыхание с молитвой. Им встречаются разные люди, представляющие разные типы верующих и неверующих. Общась с реальными людьми, они погружаются в мир их проблем и указывают единственно верный путь к спасению жизни и души. Молитва Тихона оживает, обретает силу и помогает вспомнить то важное и спасительное, что жило в душе, но было похоронено под мусором суеты: судьбоносные случаи из прошлого человека, страны, вселенной. Странничество меняет не только самих подвижников, но и окружающее пространство, проливая свет и выявляя истину. Наконец Тихон приходит к главному открытию: куда бы он ни шёл, в каком бы направлении времени и пространства он бы ни двигался, путь его лежит к центру сердца, которое сокровенно вмещает целую вселенную, преисподнюю и царство Небесное...

© Петров А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Панорама	6
Начало пути	8
Вестники	10
Путешествие к центру сердца	14
Странник	18
Свобода	21
Пустынник	22
В гостях у первой любви	25
Свет чистоты, мерцающий в душе	27
В пропасть за овечкой	30
Пересечение границы	37
Сокровенное, истинное	39
Один из нас, но другой	42
Три богатыря	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Петров

Странствующий

*Ой, блаженный этот путь —
Куда страннички идут.
В Русалим они идут,
А их Ангелы ведут.*

Старинный кант

Панорама

Итак, фирма обанкротилась, и меня отпустили в бессрочный отпуск, что равноценно увольнению. Дома на столе обнаруживаю записку, из которой следует, что Принцесса покинула этот трехкомнатный кооперативный дворец и когда вернется, да и вернется ли вообще, — неизвестно. Пропали также «Нива» из гаража, компьютер со стола и все наличные семейные сбережения.

Если оглянуться назад, можно вспомнить, что меня заботливо готовили к этому перелому. Например, работаешь себе, работаешь, и вроде бы всё ничего — только начинает вдруг томить абсурдность прожитого дня. Ради чего работаю? Ради зарплаты — и только? И моя белая сорочка кажется черной и вовсе не благоуханной... И компьютеры на столах предстают вампирами, сосущими здоровье и время. Ненароком долетит до ушей болтовня сотрудников, — а там пирушки, развлекашки, девчужки... Потом приходишь домой. Что-то жуешь, делаешь домашние дела, говоришь по телефону с чуждыми, но «нужными» людьми. Возьмешь книгу. Почитаешь на диване про подвижника, который когда-то давно возносился в молитвах над землей, ходил по воде, как по суху; воскрешал мертвых, спал по часу в день урывками... — и думаешь: какое отношение это имеет ко мне? И зачем читать, если не на пользу?

...И вдруг — мысль, как удар: в это самое время где-то рядом живые монахи распинаются за гибнущий мир, умирая «на каждый день»; вчерашние столичные профессора и художники в комариной глуши возрождают храмы, а по дорогам Руси Святой шагают странники... И вскочишь с дивана, взлохматишь прическу, просипишь, бия себя в грудь: «Доколе! Почему это мимо?» — да и обратно сядешь...

И вот свершилось... Сам же хотел, чтобы эти «тараканы бега» кончились. Чтобы серое существование сменилось чем-то живым и новым. Что ж это я так переполошился? Ведь именно сегодня я стал свободным. Лопнули разом все путы, державшие меня на привязи. Мне бы радоваться, прыгать до потолка — но этого нет. Свобода привела с собой неразлучную спутницу — ответственность. Вчера я мог сказать: хочу, но не могу, потому что у меня есть обязанности. Пусть условные, но обязанности — это, как ни крути, уважительно. Сегодня — свобода. И отныне делать надо то, что надо. Никуда не денешься.

Издавна видел я себя странником. Идти по дороге, куда глаза глядят, откуда веет свежий упругий ветер надежд — вот чего желает моя душа! Хочется встреч с разными людьми. Отчего-то нужно мне обойти дальние страны, побывать на всех материках, на всех широтах. «Земную жизнь пройдя до половины», не увидеть тундру и тайгу, саванны и прерии, фиорды и каньоны, пустыни и солончаки — это неправильно. Если существует где-нибудь все это, а я — здесь, то мы просто обязаны сойтись в одной точке.

И это еще не все! Меня связывают оковы времени. Не устраивает ограниченное текущее мгновение. Не меньше настоящего интересны прошлое и будущее. И если время – это условность, то надо попробовать ее преодолеть.

Однажды в детстве во время осмотра Бородинской панорамы меня озарило нечто великое. Настолько огромное, что обозреть и вместить это в свое малое сознание оказалось невозможным. Так же, как это огромное полотно вокруг, и все события, на нем изображенные. Если обычный живой человек, художник, сумел охватить такое количество людей, событий, дальних и ближних планов, то, значит, возможно выйти за границы пространства и времени. Допустимо это – с помощью каких-то сил, дополняющих слабые возможности человека.

Помню, стоял в оцепенении среди бредущих по кругу людей и видел вокруг себя не рисованные маслом картинки, не пыльные макеты и куклы, не холст, изображающий небо – не эту условность, нет. Передо мной явилось бесконечное поле реальных событий, которые происходили с древности до необозримого будущего.

Открылось это на краткий миг. Блеснуло – и прошло. Озарило, потрясло – и... занавес упал. Почти ничего в памяти не осталось. Только неописуемый восторг от созерцания грандиозной высоты и неохватной глубины в золотистом сиянии восхода. Зачем? Где это было? И где это есть? Какое отношение имеет ко мне?

Хочу туда! Отныне тесно мне земное время. И это плоское, как раскрашенный холст, пространство теснит и давит. Тот, кто приоткрыл занавес, пусти меня туда!

Как все хорошее, завершилось откровение грубым толчком в спину и ворчливым – «встал, как пень». Потом довольно быстро действительность втянула меня в свою муравьиную суету. Я не противился. А чуть позже сознательно связал себя узами множества ненужных «надо» и капризных «желаю». Прошло немало времени с тех пор. Лишь изредка блеснет из детства луч панорамной свободы, позовет, обнадежит – и обратно в темницу.

И только сейчас мое давнее желание свободы начинает сбываться. Для чего? Не для странствий ли? Посмотрим.

Начало пути

С утра пораньше с легким рюкзаком выхожу из опустевшего дома. Передо мной лежит асфальтовый тротуар, рассеченный трещинами, в озерах мутных лужиц. А я вижу, как вдаль несетя и зовет путь странствий.

Это у меня впервые – вот так сжечь мосты и пойти куда глаза глядят. То страх, то радость закипают в жилах. То уныние накатывает черной волной, то отлив и – надежда на лучшее крепнет в груди.

Кто я сейчас как не пылинка в бурном океане? Где привычный порядок моей жизни? Что у меня осталось, кроме веры? На что надеяться, как не на Промысел Божий? Откуда ждать защиты, как не от Покрова Пресвятой Богородицы? Кто мой друг и кто попутчик, как не Ангел-хранитель?

Вокруг меня постылый город обступает сонных пленников безликими бетонными коробками. А я, наконец, проснулся бодрым и свежим. И бессмысленность рухнула. И жизнь во мне обновляется.

Ничего наперед не знаю. Планов – никаких. Полностью полагаюсь на волю Провидения. Шагаю с легким сердцем. Таинственная Панорама из детства словно оживает. Где-то в ее начале происходит сотворение вселенной. И это вполне созвучно началу пути. И сотворению моей новой вселенной. Что такое моя личная вселенная? Всего-то полсотни человек, с которыми общаюсь, да несколько мест, в которых случается бывать. Надеюсь, отныне моя вселенная вырастет. Как растет она сейчас в моей незримой глубине. Как расширяется она в космическом масштабе, что не устают напоминать астрономы, размахивая снимками заумных «красных смещений». Ну, да ладно...

Мало-помалу вихрь мистических ощущений стихает. Оглядываюсь и обнаруживаю себя под землей, внутри грохочущего вагона метро. Народ жметя друг к дружке в отдалении, я же стою на просторе – хоть вальс танцуй. И тут в ноздри ударяет едкий кислый запах, и тошнота подкатывает к горлу. Оглядываюсь: вокруг меня – спереди и сзади – на лавках лежат вразвалку бомжи. И спят. Наблюдаю в себе острое желание зажать нос и отодвинуться подальше.

С трудом заставляю себя остаться на месте и разгладить лицо, которое, должно быть, скривила брезгливая гримаса. И тут вспоминаю, что и сам я отныне бездомен, и отвращение сменяется сочувствием. Выходит, что и я в любой день могу стать таким же. И от меня станут отворачиваться домашние мальчики и девочки, едущие с гувернанткой в парк на итальянские аттракционы, зажимая носики надушенными батистовыми платочками.

Господи, не дай мне вознестись над этими несчастными! Ты, сотворивший вселенную, Сам не гнушался возлегать с проклятыми мытарями и прокаженными, не брезговал бесноватыми и увечными. Не отвергал ни грязных, ни покрытых струпьями рук. Ты возлегал на трапезе с людьми и удивлялся: Бог посылал Иоанна, который ни ел, ни пил – его не приняли. И вот Ты пьешь и ешь с изгоями и богачами – снова людям не так. Ты на Себе узнал, что есть презрение и бездомность. Эти несчастные забыты всеми, но только не Тобой. Спаси их, Господи! А мне – не дай иметь к ним отвращение.

Нечистый запах уносит ветерок, пахнувший из окна. Один из бомжей в искусственной дубленке – это лето! – открывает заплывшие глаза и сонно протягивает мне красную ладонь в черных разводах. Кладу монету, невольно касаясь руки, но брезгливости нет. Рука бездомного с монетой ложится в карман, глаза закрываются. Помогите вам Господь. Двери открываются, и я схожу на своей станции.

Остается позади шум и тряска, толкучка и разговоры. Перехожу шоссе и по асфальтовой дорожке направляюсь вглубь фруктового сада. На смену суете приходит мерный ритм ходьбы.

Поэтому, успокоившись, вполне справедливо задаю себе вопрос: а не обман ли это? Нечто похожее случалось со мной весной и оказывалось западней.

Весна – это всегда гормонально-пьяный обман. Весной и в начале лета кажется, что жизнь впереди, и небо такое безоблачное и голубое, и ты весь такой вытянутый вперед-вверх... И в мозгу, воспаленном солнечной радиацией, взрываются одна за другой вспышки миражей. И сердце отзывается на истошное верещанье воробьев и прочей пернатой мелочи.

Будущее кажется искряще-сияющим и ароматно-ванильным. И горизонты распахнуты и широки, как пути, ведущие... в большое земное счастье. И проблемы стремительно уमाляются. Только все это обман, который проясняется с наступлением холодов. Тогда трезвеешь, и вновь приходит печаль о совершенстве, которое на земле недостижимо. Отсюда вывод: влюбляться лучше поздней осенью, а умирать – весной, на Светлую седмицу.

Восторженность – учит вековая мудрость – прямой путь к отчаянию. Так что когда впадаешь в весеннее опьянение – сеешь будущее уныние и разочарование. Итак: трезвое спокойствие.

Когда оглядываюсь на прожитое, то оказывается, что покатился я в пропасть именно в весенние года и в весеннюю пору. Чудом, великим Промыслом Божиим, остановился... Это ведь, чтобы удержать на краю, показали мне во сне то место ада, куда я так упорно катился в безумно-пьяные годы! А как увидел шквал ревущего огня и злющие красно-зеленые глаза, услышал вопли соседей по огненному озеру, вдохнул серные миазмы, всем существом ощутил беспощадное зло, безнадежность, ужас... – так и в церковный ковчег вошел. Нет, вбежал, запыхавшись, оглядываясь в страхе через левое плечо за спину... Выходит, живу как бы вторую жизнь, дарованную мне чудесным образом. И обмануться сейчас, когда желанная свобода сбросила с меня оковы суеты, было бы непростительно.

В то же время, знаю точно и верю словам афонского старца Софрония: «не попустит Господь заблудиться человеку, который воистину не лукавствует пред Ним».

Вестники

Итак, размышления по дороге приводят меня сюда. Кто-то скажет, ничего в месте этом странного нет, и будет прав. Среди бетонных коробок шестирядным шоссе к высокому берегу реки прижато царское село. Внутри крепостных стен стоит тишина. От тишины поначалу звенит в ушах, потом привыкаю.

Бреду по траве среди вековых лип и тополей. Обхожу сидящих и лежащих на упругой траве людей, греющихся на солнышке. Меня обступают огромные дубы, которым более шестисот лет. Их корявые ветви в опущении нежно-зеленой листвы басовито поскрипывают высоко в синем небе. Задираю голову до головокружения, ноги подгибаются и укладывают меня на сочную траву, присыпанную прошлогодними жестяными листьями. Невдалеке белеют царские палаты, трапезная с маленькими оконцами в стенах метровой толщины. По другую сторону рубленая изба, из толстых сизых бревен. Стоит трехсотлетним крепышом, как немой укор поклонникам технического прогресса. Прикрыв глаза, впитываю старину. Вдыхаю парной аромат скошенной травы. Слышу мягкий шелест юной листвы, далекое поцвиркивание птичек и приглушенный детский смех.

– И как вы только здесь живете, – раздается необычный голос. Он не звучит, но слышен. Будто «тихо сам с собою, я веду беседу».

– Да вот так и живем. Каждый по-своему, – отвечаю незримому собеседнику. – А ты сам откуда?

– Отсюда, только на несколько веков раньше.

– Тогда что же тебя удивляет? Здесь почти ничего не изменилось.

– Воздух у вас тяжелый. Все вокруг отравлено каким-то ядом.

– Это точно, – соглашаюсь. – Сам удивляюсь, как выживаем. Послушай, а ты сейчас где: там или здесь?

– Точно не знаю. Скорей всего, и там и здесь. А может быть, ни там, ни здесь, а где-то посередине. Да ты сам подумай, разве я смог бы дышать вашим воздухом? Лежать на вашей траве? Пить вашу воду?

– Ты еще добавь: «облучаться вашей радиацией».

– Это вообще для меня смертельно.

– Не забудь и наше телевидение, прессу, рекламу.

– Этот Содом и вспоминать не хочу. Огнем бы все пожечь!.. Ох, прости.

– Ничего. Это желание ежедневно у всех нормальных людей возникает. А я смогу жить в твоём времени? Как ты думаешь?

– Скорей всего нет. У нас много кислорода. Ты бы им отравился. Помнишь, как у тебя болела голова, когда ты приезжал в деревню впервые после зимы? Только у дымного костра и отходил.

– А как же мы с тобой говорим сейчас? У нас и язык должен быть разный. Тебе положено говорить: сице, непщевати, углебати, усыренный, обаче...

– Примерно так я и говорю. Но между нами переводчик. Наверное, это Ангел. Эй, а ты хоть знаешь, кто такие ангелы? А то, может, вы уже и в ангелов не верите?

– Некоторые верят. Я тоже.

– Значит, ты не совсем пропащий. Тогда спасайся. Время не идет – оно летит. Спасайся, брат. И помни: «Путь человека – есть путь из бездны».

– А если я в эту бездну все-таки упаду?

– Значит, встанешь, отряхнешься и снова – вверх. Помни, что сказано в «Пастыре» Ерма: «Не бойся, Бог или сокрушит сердце твое, или кости твои». Ты в руках Божиих – не бойся.

Открываю глаза. Рядом никого. Жаль. Мне еще столько нужно сказать собеседнику из прошлого, да и расспросить о многом. Впрочем, что это я? Не слишком ли доверчив? И тут вспомнилось кое-что.

В годы своего неопитства, начитавшись святителя Игнатия Брянчанинова, любил я, помнится, навешивать ярлык – «прелестник». Чуть кто думает не по-моему, слишком возвышенно, что не вмещало мое суетливое сознание – на нос ярлык! Но однажды, Господь послал мне вестника для вразумления.

Случилось это на старой квартире. Заходит ко мне в гости соседский мальчик. Никогда раньше его не замечал: мало ли детей бегают по двору. Этот Лёня к тому же какой-то невзрачный, болезненный. Ну, одолжил я ему дрель и повел провожать к двери. И тут он иконы мои увидел и разговорился. Оказывается, он тоже верующий, а имя его настоящее Пантелеимон.

– Что же, – спрашиваю, – ты у своего небесного заступника здоровья не выпросишь?

– Что ты, дядь Тихон, – вздрогнул он даже, – моя болезнь – это все что у меня есть. Это дар Божий. Когда я терплю боль и унижения, то чувствую, что спасаюсь. А если их не будет, что тогда останется?

Слова мальчика, признаться, меня удивили. Может, потому, что сам был здоров. А, может, потому, что вера моя жила больше в голове, чем в сердце. В тот вечер мы долго с ним беседовали под чай с печеньями. Узнал я, что мальчик по причине болезни и своей православной «инакости» одинок. Более того, терпит насмешки и унижения от сверстников.

– Хочешь, я по-мужски поговорю с мальчишками? – спрашиваю, указывая подбородком в сторону боксерского мешка с перчатками.

– Что ты, дядь Тихон, – снова вздрагивает он, – не надо.

И снова я посрамлен мальчиком. И здесь он оказался опытней меня. Смотрел я на него, а в душе моей боролись два противных чувства: жалость к его фиолетовым нитяным жилкам, проступающим сквозь тонкую кожу, и уважение к его твердой вере. Болезненная истонченность давала ему прозрачность для проникновения силы Божией. Вспомнились слова из Послания Коринфянам апостола Павла, которые до сих пор не понимал: «...Дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи».

– Да ты за меня не волнуйся, дядь Тихон, – прочел он мои мысли, – у меня есть друг. Настоящий, верный! И охраняет он меня лучше, чем президента «вся президентская рать».

Тогда по телевизору показывали фильм с таким названием, в котором клеймили и разоблачали «порочные нравы загнивающего запада». Мы в унисон хмыкнули.

– Это что же за супермен такой?

– Ангел-хранитель.

– А-а-а, ну это ты в прелести, – вешаю привычный ярлык.

– Щас! – мальчуган сорвался с дрелью подмышкой и убежал. Вернулся с книжкой «Размышления христианина, посвященные Ангелу-хранителю» и прочел: – «Хотя мы не можем видеть Ангела телесными очами, но можем видеть очами веры. Ужель мы столько поработаны чувствами, что не хотим верить ничему, кроме того только, что нам является под грубым видом вещества! Или сердце ваше столько занято суетами мира, что ничего не любит, кроме богатства и удовольствий?»

– Ну, хорошо. Только разве можно дружить с невидимым духом? Ведь с друзьями принято общаться, советоваться, делиться радостью и бедой.

– Можно, – уверенно кивает мальчик. – Надо только научиться говорить с ним. Вот: «Ты скажешь: как можно беседовать с Ангелом, когда невозможно слышать его голос? Эта таинственная беседа заключается не в вещественных звуках человеческой речи, но во внутреннем голосе сердца, проникнутого верою в невидимое присутствие Ангела-хранителя, в его благодать»

и мудрость. Эта беседа требует чистоты сердца, обращенного к нему со смирением и молитвою... Когда голос Ангела проникнет в твое сердце, ты услышишь беседу: он будет говорить тебе о правоте, о чистоте душевной, о целомудрии, о благотворительности, о милосердии, о любви к ближнему, о благочестии; сердце твое исполнится умиления и насладится душевным миром.»

– Но ведь ты знаешь, Лён, существуют и ангелы падшие. С ними тоже ненароком можно вступить в контакт. И тогда... это... прелесть, – с трудом выдавил я любимое словцо.

– А здесь и об этом написано: «Злобный враг рода человеческого станет, напротив, возмущать твое спокойствие, станет прельщать ум твой богатством, роскошью, почестями; не внимай обольщениям его...» И потом, дядь Тихон, – улыбается он, – вы причащаетесь?

– А как же! Какой же я без этого православный!

– Видите! Значит, и канон Ангелу-хранителю читаете. А там в молитве вы говорите: «Вем воистинну и усты исповедую, яко никтоже таков друг и предстатель, защититель и поборник, якоже ты, святой Ангеле...»

– Да уж, Пантелеюшка, сдаюсь на милость победителя, – поднимаю руки, а про себя думаю: «Трепещите, враги Православия! Экое племя растет, «младое да незнакомое»! Это вам не наше поколение пьяниц гитарно-кухонных».

После того разговора я, действительно, пытался общаться с Ангелом, и даже что-то получалось... Во всяком случае, несколько советов я не только сумел получить, но даже реализовать. Только эта суета... эти вечные проблемы очень скоро свели на нет мои усилия. Увы, катиться с горы всегда проще, чем подниматься.

Но сейчас у меня все по-другому! Я в таком положении, в таком состоянии, – что мне никак без могучего «друга, предстателя и защитителя» не обойтись. Поэтому сбивчиво и «неканонично», но искренне, как могу, прошу Ангела помочь мне.

– Ангел-хранитель мой святой, я сейчас, как щепка в море. Как не утонуть? Как успокоиться? Что делать?

И замолкаю. В наступившей мысленной тишине, через двенадцать гулких ударов сердца во мне звучит:

– Чтобы не утонуть в море, войди в корабль. Храм – твой корабль. Зайди в него, помолись и возьми благословение.

Нет, это был не голос, воспринятый слухом! Я будто сам мысленно произнес эти слова. Но я узнал! Узнал голос моего давнего друга и наставника, защитника и молитвенника. Неужели, действительно, началось мое возрождение? Вспоминается самое лучшее, что было, и самое полезное.

– Божий вестник, как мне избавиться от страха перед будущим странствием? Как научиться не оглядываться назад? Как перестать жалеть оставленный комфорт и порядок жизни?

– Тогда взгляни на будущее. Оно уже происходит. Взгляни духовными очами. Ты готов?

– Да.

И вдруг отодвигается невидимый занавес. Панорама открывает крохотный мазок на огромном полотне. Или это с моих глаз спадает мутная пелена? И я вижу то, что... есть.

На месте бетонных домов – безглазые руины с горами щебня. Столетние деревья горят, объятые огнем. Тысячи автомобилей – там и тут – валяются обугленными скелетами. В прежнем русле Москвы реки течет огненный поток. Земля содрогается и покрывается трещинами, из которых выплескивается гудящее жадное пламя. Безумные люди и животные мечутся с дикими воплями, падая в огненные трещины. Птицы черным угольным градом сыплются с небес. А сами небеса объаты багровыми клубами огня и жирного черного дыма.

– А кто же спасается? – спрашиваю.

– Смотри.

И тут мне открывается, как над всеобщим безумием огненного шторма – белыми кораблями плывут дивной красоты церкви. Они несравненно красивее и совершеннее тех каменных строений, которые мы посещаем. Я, кажется, понимаю: это храмы Небесного Иерусалима, земными проекциями которых являются наши. Внутри белых кораблей стоят люди и с радостью возносят молитвы Господу. Это дети Царствия Небесного. Они члены Церкви Христовой, которую «не одолеют врата ада», сжигающего неверных огнем. Сейчас мне предельно ясно: только православные имеют истинную радость – великую радость спасения во Христе.

После таких откровений не нужно меня тащить в храм. Я вхожу в него, как в небесный корабль, где даже пыль под ногами свята. Перед литургией прихожане пишут записки и ставят свечи. Как все это с виду буднично... Тихо и спокойно... Обхожу старинные иконы. После поклона и приближения каждая икона тысячами молитв говорит со мной. Существует слово «намытый» – это что-то свежее, сияющее, у мамы на руках, с румянцем во всю щеку. Здешние же храмовые иконы «намолены» – это когда впитавшие в себя тысячи молитв, поклонов, целований святые образы делятся с тобой теплым незримым светом, от них исходящим.

Путешествие к центру сердца

Под монотонное чтение часов становлюсь в очередь исповедников. Вспоминаю слова одной проповеди: церковь – это лечебница, в которую идут для исцеления. В больнице делают прививку и мы переносим в легкой форме смертельную болезнь, чтобы не погибнуть. Исповедь – как бы «прививка», легкое, щадящее подобие Страшного Суда. Кому-то это дано ощущать больше, кому-то – меньше. Мне сегодня везет: соседи по очереди сосредоточены на покаянной молитве. А батюшка у аналоя весьма строг.

«Глубоко сердце человека, и кто познает его», «Царствие Небесное внутрь вас есть» – эти таинственные слова остаются для меня загадкой и не дают покоя. Прошу Ангела объяснить мне это. Добрый наставник кротко соглашается.

Путешествие внутрь сердца начинается с очищения. «Нельзя нечистому войти в Царствие Небесное, – говорит Ангел. – Сердце человека – суть его. Если внешнее сердце подвластно врагу, то центр его неприступен для греха. Там, в центре сердца человека, располагается огонь Света, в котором сгорает все нечистое. Очистись добрым огнем покаяния. А чтобы пламя стало поярче, я помогу тебе памятью смерти».

Итак, я на коленях. Мою голову покрывает епитрахиль и ладонь священника. Обычное начало, с некоторых пор ставшее пугающе дежурным, меняется. Я стою на крохотном пяточке твердой земли. Подо мной зияет огромная бездонная пропасть. Пространство вокруг превращается в чуткий Слух. Каждое слово взрывается и гремит, перекрывая ритмичную канонаду сердца. «Исповедаю... Господу... Богу... моему...»

Перечисление грехов сопровождается созерцанием тех адских адресов, куда с их помощью попадает грешник. Память выбрасывает наружу новые и новые грехи, забытые и неведомые. Они выходят из души и собираются в черное зловонное облако вокруг меня. Сначала бесформенное, оно постепенно обретает очертания страшного существа. Никогда не доводилось видеть, но я узнаю его – это вечная смерть. Не будь на голове епитрахили, это чудовище, верно, поглотило бы меня. После моих «раскаиваюсь, прошу простить и разрешить» священник произносит разрешительную молитву. В это время смерть вспыхивает и сгорает бесследно: ни дыма, ни пепла.

Облегченно встаю с колен, горячим и мягким. Прикладываюсь к прохладным Кресту и Евангелию. Беру благословение на странничество. И получаю его на удивление просто.

– Порадовал ты сегодня Господа, – говорит суровый священник с неожиданно доброй улыбкой.

Благодарю, отхожу от аналоя. Стою и смотрю на Престол в алтаре, как первый раз. Удивительное таинство – покаяние! Только минуту назад я был переполнен грязью и не мог представить себе, как можно жить без грехов, которые срослись со мной. И вот я стою чистый, будто заново родившийся, и мне непонятно другое: как мог я жить так грязно и носить в душе тяжкий груз нечистот. На душе – опьяняющая чистота и легкость. Это дар, непостижимый и богатый, потому что не за что получен, лишь за один малый шаг к Богу. Как легко быть чистым, и как легко благодарить за это Подателя чистоты.

Приближаюсь к распахнутым Царским вратам. Чувство величественного и страшного Присутствия нарастает. Слова Иисусовой молитвы сначала заполняют сознание, потом все существо, затем овладевают всей моей вселенной. Никогда еще молитва не струилась так легко – это Ангел помогает: сильный луч направляется в сердце. По нему льется, упруго течет молитва.

Мое старание вознаграждается вливанием свежих сил, укрепляющих меня в изнеможении. От Престола, окутанного ароматной кадильной дымкой, льются волны невыразимой доб-

роты.словно любящий сильный отец принимает из материнских рук меня, умытого младенца, не ведающего собственного греха, и обнимает мощными бережными руками.

Смолкают громкие звуки, утихают сильные чувства, замирают резкие движения – мир сходит в сердце. Время встает и разливается полем до горизонта. Здесь живут цветы и травы, радуга на струях летнего дождя и синее небо, детский смех и жужжание пчел. Здесь искрятся глаза влюбленных и улыбки матерей, звучат стихотворные рифмы, оживают дивные картины художников и ласкает слух нежная мелодия.

Блаженный отдых на поле душевном внезапно нарушается нарастающим грозным шквалом. Битва продолжается.

Молитвенный круг обороняет меня от злобных атак оживших страстей. Они, будто ночные грабители, выползли из темных укрытий. По мере углубления в сердце страх нарастает. О, ужас! Неужели этот зверинец мой? Эти гнусные существа, которые воют и рычат, рыдают и пищат... Извиваются, тянут ко мне когтистые лапы и целятся клыками... И вся эта мразь – население моей души! Нет, Господи, сам я тут абсолютно бессилен. Только Вседержитель, имеющий безграничную власть и силу, по любви к немощному Своему созданию способен справиться с этим рассадником зла. Вот уж поистине «Путь человека – есть путь из бездны». Сколько же мне предстоит с этим сражаться!..

Иисусова молитва надежно ограждает меня невидимой броней. Восемь слов, наполненных мольбой о помиловании – вращаются мощным сверлом, вгрызаясь в корни страстей. Никогда не думал, что моя молитва может так разогреться. Сейчас она – спасение, последняя надежда, жизнь, в конце концов! Она пробивает узкий тесный путь. Дороги назад нет, поэтому с упорством каторжника, ползущего по тесному подкопу на волю, продираюсь вперед, к спасению. «Узкий путь ведет в Царствие Небесное». Мои плечи ободраны в кровь, кожа клочками повисает на острых выступях узкой каменной норы. «Отдай кровь – прими дух», – укрепляюще доносит прохладный ветерок. И я лезу, продираюсь, протискиваюсь вперед.

«Дорогу осилит идущий». «Молитва дается молящемуся». Много раз эти слова тешили мой слух и мозг, не проникая в сердце. Сейчас я их проживаю. Бедное мое сердце! Сколько сорняков насадил я в твою плодородную землю. Сколько диких зверей напустил в эти колючие чащобы. А сам при этом остаюсь бессильным, мягким и глупым. Господи Сил, помоги моей немощи! Наконец, пытка подходит к концу. Как славно, что при жизни все плохое кончается!

Всплывает из памяти мой давний вопрос: что значат слова из утренних молитв «стань благоговейно, представляя себя пред Всевидящим Богом»? Ответ пришел быстро, в тот же день. Открыл книгу о молитве и прочел совет Василия Великого о том, как «предстать пред Богом». словно мощные крылья, подхватывают меня слова святого и я отправляюсь ему вслед.

Оказываюсь над землей, над воздухом – в звездном густом фиолете. Здесь молитва несет меня легко, мощными взмахами крыльев. Разноцветные звезды, огромные облака созвездий, немыслимо великие галактики – плавно обтекают мой полет. Эту бескрайнюю вселенную сотворил мой Отец, мой Господь для меня и таких же, как я, людей. Это мы должны ее населить, всюду разбить сады, построить дворцы... О, если бы знать хоть малую часть того, что задумал Господь для детей Своих, распявших Его на обрубке дерева!..

Звездное окружение уносится назад. Но чернота ночи освещается рассветом. Крылья молитвы несут меня навстречу множеству сверкающих слоистых кругов. Это уже не звездные скопления – они живые. По мере сближения узнаю ангелов. Их такое множество, что ни сосчитать, ни охватить взглядом. Проношусь сквозь чины светлых ангелов, пресветлых архангелов, сияющих таинственных начал, властей, сил, престолов... Но что это? Даже огненные херувимы и серафимы остаются позади! Чувствую их удивленные взоры, полные священного трепета. И слышу возгласы ангельских восхищений: «О, как велик человек пред Богом! Сколь дерзновенная молитва дарована ему Господом!»

Стремительный полет продолжается. Я трепещу от страха, сгораю от любви и гложу от нарастающей тишины. Наверное, все мое существо изменяется до неузнаваемости. Меня окружает облако огня, который не жжет и не ослепляет. Сейчас скорость моего вознесения растет. Впрочем, ощущаю это не телом – его будто и не стало – а нарастанием чувства священного страха. При этом вокруг ничего, кроме абсолютного мрака. Сейчас я один. Со мной лишь молитва и страх. Мрак сгущается и разрастается до бесконечности. Я при этом умаляюсь до микроскопических размеров. Наконец, все замирает.

Упразднены слова и знания. Здесь встала непреступная стена мрака между тварью и Творцом. Я перестаю быть тем, кто я есть и кем был. Мое умаление достигает почти абсолюта, грозит превратить меня в ничто. В этот миг я постигаю бесконечное величие Творца, Его милость к человеку и совершенную любовь Отца к сыну.

А в это время там, впереди, в бесконечной дали, в непреступной Обители Света происходит Предвечный Совет. В абсолютной тишине, не нарушая ее, оживают слова.

– Любовь Наша требует умножения. Сотворим вселенную.

– Да будет так.

– Сотворим человека и соделаем его царем вселенной.

– Да будет так.

– Сын Мой Единородный, человек будет свободным и не сумеет понести этого дара. Он предаст Нас, отпадет от славы, забудет свое призвание и увлечется смертным. Бог по призванию, человек станет хуже скота, растения и даже земли, из которой сотворен. Сын Мой возлюбленный, Тебе надлежит воплотиться в поврежденное тело человека и стать одним из них. Человек Тебя возненавидит, будет над Тобой издеваться, бить и плевать в лицо, он предаст Тебя позорной смерти на кресте. Сын Мой, Сын возлюбленный, грех человека надлежит искупить страшной жертвой. И этой жертвой станешь Ты, Сын Мой Единственный! Хочешь ли Ты этого?

– Да будет так, Отче. Я уже люблю человека до смерти крестной. Да воссияет славой Крест любви Нашей.

– Да будет по глаголу Твоему, Сыне.

...Замолкает последнее Слово. Никого и никогда я не любил так, как Это кроткое Слово любви. Сейчас я сам готов умереть за такого Бога. За такого Отца, усыновившего меня. Молитва рождается, вспыхивает огнем и потрясает:

– Слава Тебе, Господи! – гремит вокруг и во мне.

– Свят, Свят, Свят! – отзывается ангельский мир.

Все умолкает и ждет.

– Да будет Свет, – гремит Слово из вечной тишины.

И стал свет зримый, и воцарился. И вижу я в сердцевине его – Вседержителя на престоле славы. И Крест искупительных мучений Его, сияющий, как тысяча солнц. И тает сердце и поет славу Отцу моему и Господу. И нечистые уста мои неустанно произносят сладчайшее слово во вселенной: Иисус...

И там, вокруг ослепительного Престола, вижу я святых Божиих, при жизни угодивших Ему чистотой, подвигами и смирением. И узнаю их, хоть и не видел никогда, лишь некоторых на иконах. И прошу едва слышно: «Все святые, молитесь Бога о нас». И встают они радостно, и обращаются ко Господу Сил и милостей, и воздевают руки к Его невыразимой светлости, и воссылают Ему свои пламенные молитвы.

И вижу я там множество молящихся православных, живущих на земле, но духом вознесенных в эти высоты сердца. И вижу множество людей, о которых они молятся. И вижу, как Господь милостиво благословляет каждого, чье имя звучит. И дивлюсь я увиденному, а уста немолчно несут сладчайшее Имя, произносимое на земле: Иисус...

– Слава Тебе, Показавшему нам Свет! – благодарит и ликует тварный мир.

– Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое, – звучит под сводами храма баритон священника.

– Видехом Свет истинный, прияхом Духа Небесного, обретохом веру истинную, Нераздельней Троице поклоняемся: Та бо нас спасла есть, – поет хор.

Странник

Невидимый занавес приоткрылся на миг и снова закрыл от меня панораму вечности. Сейчас это где-то живет и кажется возможным, но таким неприступно далеким. Литургия закончилась. Выхожу из храма. Сознание, как с высокой горы, сходит в низины земли.

– Это страшно – стоять у Престола Божиего!

– А Престол в алтаре храма – это не то же самое? Перед земным Престолом тебе не страшно? Бог восседает и на Небесах, и в каждом земном православном храме.

– Зачем нам открывают это?

– Для укрепления веры.

– Из чего все это? Откуда оно?

– Это живет в центре сердца. Господь человеку от рождения вместе с душой вкладывает семя Царства Небесного. И каждый может при желании пройти этот путь.

– А почему всё так знакомо? Будто происходило раньше.

– Ты читал об этом в Евангелии и у Святых отцов. Бог Слово познается через слово откровения, данное Святым. Вот почему Церковь обязывает непрестанно читать Евангелие и Предания. Тогда свет Истины просвещает всего человека: дух, душу и тело. То, что ты прочел и принял сердцем, остается с тобой навечно.

– Благодарю тебя. Что же мне делать дальше?

– Странствовать. Ты же для этого вышел из дома.

– Мне бы сначала к настоящему страннику примкнуть.

– Да вот он – только оглянись.

Оглядываюсь и действительно вижу присевшего на траве худощавого мужчину лет пятидесяти с выгоревшим рюкзаком за спиной, с иконой на груди. Да и сам он напоминает мне кого-то иконного. Только кого, сейчас не вспомнить. Радость от пережитого и от этой неожиданной встречи наполняет меня.

– Экий ты колоритный, брат, – открываю рот от восторга. – Дай-ка я тебя рассмотрю... Силён, силён!

– А теперь поругай, – просит собеседник, робко поглядывая на меня прозрачными глазами мудреца.

– Зачем?

– А чтобы не потщеславиться.

– Это пожалуйста, – с готовностью соглашаюсь. – Ходят тут, понимаешь! Привыкли там у себя! А здесь вам, между прочим, не там. Совсем уже всякую наглость потеряли. Ну как, хватит или еще добавить?

– Хорошо, хорошо, – слегка улыбается странник, – спасибо.

– Всегда готов. А ты кто?

– Не видишь? Странник. Вот сума, вот посох, а вот икона. Странник... Хожу из монастыря в монастырь. По благословению.

– И сколько в день проходишь?

– Обычно семь Богородичных правил.

– Это сколько ж, если в километрах?

– По-разному, брат. Иногда птичкой летишь, а иногда ползешь черепахой. Как нагнешись...

– А сейчас откуда и куда?

– От преподобного Сергия к благоверному Даниилу.

– Можно мне с тобою рядом? Если уж не странником, то хотя бы странствующим?

– Странствующим, говоришь?.. Можно, если тихо и с молитвой.

– Тебя как величать, странник? – спрашиваю по-родственному.

– Валерий. А тебя?

– Тихон. Послушай, а ты голоса слышишь?

– Святые отцы учат нас, что в сердце и в уме человека постоянно звучат голоса. Их несколько: свой собственный, голос ближнего, молва или голос толпы, ангельские вразумления, которые называются голосом совести; ну, и... этого самого, двойника-мучителя. Чтобы знать, какому голосу верить, а какой отвергать, нужно иметь различение духов. Голос, в котором слышишь любовь и уважение к твоей свободе воли – совесть. Если голос предлагает прощать ближнего, любить Бога, смиряться, молиться и каяться – это тоже совесть. Ну, а если голос предлагает что-то страстное, тревожное, гордое или, скажем, отложить спасение назавтра – это голос того самого двойника. Отвергай его.

– Значит, бояться голосов не надо?

– А православным бояться вообще ничего не следует. Кроме греха. Помнишь в Псалтири, «тамо устрашишася страха, идеже не бе страх»? Так это относится к тем, кто «рече безумен в сердце своем: несть Бог, растлеша и омерзишася, несть творяй благое».

Говорит складно, думаю, видно, подкован странник.

И мы пошли. Вот так просто и обыденно: поднимаемся, отрясаем прах с одежд, осеняем себя крестом и трогаемся в путь. Идем, молитовки пошептываем. Прохожие на нас оглядываются. Поначалу хочется каждому сказать что-нибудь, но потом привыкаю и перестаю обращать внимание.

...Вспоминаю, как приятель позвал меня в гости – «обмыть» новую машину, на этот раз спортивный двухдверный «Мерседес». После восхищенного ощупывания автомобильного чуда сидим за обильным столом загородной виллы. На поставках французского вина Леша заработал солидные комиссионные. Его аж распирает от новостей, а поделиться кроме как со мной не с кем. Бизнес, как известно, врагов-завистников умножает, зато друзей-приятелей сильно отсеивает. Наши отношения сохранились благодаря тому, что мне от него абсолютно ничегошеньки не нужно.

Так, после бокала «Шато-д-икем» он покровительственно обнимает меня за плечи и, снисходительно заглядывая в лицо, предлагает мне чем-нибудь помочь. Зная этого парня, ничего путного от него не жду. Несколько раз пробовал с ним сотрудничать, но это оказалось невыносимым: чуть что – истерики, угрозы на ровном месте. А уж если бы случилось что неровное... Вы думаете, многотысячные состояния можно заработать без насилия? Я давно уже так не думаю.

После моего вялого отказа Леша вскакивает и развивает любимую тему: деньги как средство обретения свободы. Слушаю, слушаю, и так мне все это опротивело!.. И я задаю ему вопрос:

– Ты можешь обойтись без вкусной еды, чистого питья, сладкого вина, доступной женщины, современного комфорта, удобной одежды, унитаза, душа, автомобиля, гаража, дома, денег? И страха, конечно?

Он смотрит на меня исподлобья, набычился, подозревая провокацию. И отвечает «нет».

– Да ты повязан с ног до головы, парень! Как буйный псих цепями! О какой свободе ты говоришь!.. Что ты способен дать, чем поделиться – кроме рабских цепей?

Кажется, поколебал тогда вавилонскую башню его жизненной философии. Но эта встреча на три года отсекла его от меня. Впрочем, потом он «нашелся» и звонит теперь раз-два в год «по вопросу обретения свободы»...

...Топаю, топаю, однообразно и нудно. Молитва то затухает, то вновь загорается. Это рассеяние. Оказывается лучше, если под ноги смотреть. После сто пятидесятой молитвы ищу,

где бы присесть. Ступни ног горят, хочется пить. Только мой странный спутник шагает рядом и мне расслабиться не дает.

Свобода

Жажда нарастает. Солнце печёт, прожигая плотное сукно одежды. Под ногами скрипит влажный желтый песок. Иногда наступаю на сухую палку, она с треском ломается. Молитву шепчу с трудом. От жажды дерет глотку, шершавый язык едва шевелится. Поднимаю взгляд на спутника – ему хоть бы что. Идет бодрым шагом, хлопая развевающейся юбкой выцветшего подрясника. Посох, отлакированный ветром и выбеленный солнцем, так и летает в его руке. Сколько же может он ни пить, ни есть? И чего ради увязался я за ним? Что мне дома не сиделось? Тоже, любитель странствий нашелся! Мучайся теперь, мечтатель. Поделом тебе.

Ему-то что. Он странствует всю жизнь, привык уже. Что голод, что жажда, что солнцепек – его будто и не касается. Он оглядывается, кротко улыбается сухими губами, подбадривает внимательным взглядом.

Справа за песчаной полосой высятся серые базальтовые скалы. Ни единой травинки, ни махонького деревца... Слева перекачиваются голубоватые пенистые волны. Иногда ветер срывает с них пушистую пену, рассыпает в мелкие брызги и швыряет в лицо. Только вместо желанной прохлады до губ долетает мелкая соль и оседает на лице, волосах, одежде. Кристаллики соли скрипят на зубах, жгут носоглотку, слепят глаза. От непрестанной ходьбы горят ступни, наливаются свинцом ноги, от жажды пылает все нутро. Большие не могу...

– Отче, жажду, – сиплю иссохшей глоткой.

– Что же мешает тебе напиться, чадо? – улыбается он краешком рта. – Вода рядом.

Только руку протяни.

– Она же соленая, отче.

– Разве Господь не знает этого? Разве не напоит Отец жаждущего сына?

– Она соленая!..

– Ладно, остановимся.

Он вонзает посох в песок и воздевает жилистые руки к горячему небу. Его губы тихо шепчут. Борода подрагивает от едва заметных движений подбородка и набегов ветерка. Вот правая рука осеняет крестным знаменем воду и опускается.

– Пей сколько хочешь.

Вхожу по колени в пенистую волну и набираю пригоршню прозрачной воды. Пробую языком. Пресная!.. Пью взахлеб, брызжусь на лицо, взметаю ввысь водяные фонтаны и смеюсь от радости. Вода прохладная, сладкая, живая – впитывается в каждую клеточку моей высохшей утробы, смывает втравленную в кожу соль, плещется и рассыпается налету радужными звонкими каплями. Кто не жаждал до огня в груди, тот не знает, какая это драгоценность – вода!

Выбегаю на берег и развязываю котомку. Достая пустую фляжку...

– Зачем тебе это? – спрашивает мой спутник. Он так и стоит на берегу, опираясь на посох. Хоть бы пригубил воды...

– Как же... Хочу набрать воды впрок. Она такая вкусная!

– Скажи, чадо, а разве там, куда мы идем, Бога нет? Разве не напоит Он тебя в любом месте?

– Истинно так, отче Виссарионе.

Он кивает и продолжает путь. Я иду вслед. Усталость прошла, ноги шагают легко, будто встал после отдыха. Голова ясная. Тотчас вспомнился мой вопрос авве: «что есть свобода?» Старец только кивнул головой: «Даст Бог, узнаешь». Кажется, кое-что узнал. Одна у него забота – молитва. Это его жизнь, его дыхание, его пища и питье. Остальное дает ему Господь. В любое время, в любом месте. Он кроткий раб Божий. Он совершенно свободен.

ПУСТЫННИК

– Урок весьма поучительный. Благодарю, Ангел. Только я вот все думаю... Никак из головы не выходит. Преподобный Виссарион из монастыря в монастырь ходил. Там, в монастырях, есть и кров, и еда. А как выживали пустынные? Там же, помнится, голые скалы, песок, зной. Ни кустика, ни лужицы – никакой жизни. Я понимаю: вера, призвание, подвиги... Но и подвижнику иногда пить-есть нужно.

...Мы с попутчиком выходим из города рано утром. Сначала идти легко. Держим путь в сторону огромной серой горы на горизонте. Авва сказал, что за ней мы найдем еще одну гору – нам туда. Полдень застает нас в зеленом тростниковом оазисе на берегу небольшого озера. Здесь прохладно, птички порхают, тучи москитов, множество звериных следов на раскисшей серой глине.

Окунаем в мутноватую воду горящие ноги, смывая свинцовую усталость. О, какое блаженство! Набираем во фляжки солоноватой воды и с новыми силами отправляемся дальше. По широкому каньону среди высоких пепельных скал ступаем по белому плотному песку. Зной давит и наливает все существо тяжестью. Сознание иногда плывет знойным маревом, становится мутным, неверным.

Иногда кажется, что идем по облакам, которые пронзают скалистые вершины гор. Молитва вяло, через понуждение поскрипывает на зубах и языке. Иногда кажется, что вот сейчас, в этот миг рухнешь в полном изнеможении. Но в последний момент издаешь отчаянный предсмертный молитвенный вопль – и силы вливаются в изможденное тело и очищают голову от вязкой горячности зноя. Так и бредем: от смерти к жизни, сквозь тернии саможалеания.

Ночь застает нас среди голых камней. Ложимся, преломляем хлеб, жуем финики, запивая капельными глотками драгоценной воды. После благодарственной молитвы прикиваем к теплым камням и засыпаем. Только в пустыне ночь не слишком спокойное время. Кажется, едва голова коснулась предплечья, как резкий всплеск звуков вонзается в мозг – и ты вмиг превращаешься в замершее от страха существо, похожее более на испуганного зверя, чем на человека Божиего.

Ночная пустыня полна суровой охотничьей жизни. Где-то рядом шипят и ползают змеи, шуришат ящерицы, кругами ходят голодные леопарды и львы. Звенят над ухом и жалят москиты, оставляя на коже жгучие нарывы. Вокруг то что-то ухает и воеет, плачет и скрипит. Сердце замирает от каждого звука, разливая по телу холодный липкий животный страх. Луна еще рассыпает мертвенный давящий свет. И все это будет продолжаться до самого рассвета. Но авва предупредил нас об этих искушениях. Он обещал молиться за нас. И все, что нам остается, – это слиться воедино с его молитвой, горячей и светоносной. Как его любовь к Господу. Как его любовь к нам, чадам своим.

С потугой выдираем себя из этого мира страха и «уходим под кожу». Целиком полагаемся на Божий промысел о нас, на Его несокрушимую защиту и всем сознанием уползаем, как улитки, в уютный домик ночной молитвы. Восемь священных слов, среди которых сладчайшее Имя, – утешают, отгоняют всё внешнее и вводят в дивный мир внутреннего покоя.

Следующим днем идти легко. Ночь укрепила нас, освежила и убедила в огромной силе Божиего заступничества, покрывающего наше послушание. Полдневный зной переносится легче вчерашнего. Воду мы уже не пьем, а только изредка смачиваем ею сухие губы. Да и сама вода изменила вкус на сладкий. Это все авва: он незримо следует и сопровождает.

За серыми сыпучими песками, за скалами, громоздящимися там и здесь, за миражами и слоистыми потоками горячего воздуха – встает перед нами прекрасным дворцом рыжая Плоская гора. Неожиданно легко по крутому склону взбираемся мы на ровную каменную тер-

расу и идем дальше. Под ногами каменная плита. Каждый звук наших шагов многократно отражается и эхом разносится вдаль. Звук нашего дыхания становится громче.

Перед нами вырастает еще один уступ. Еще один подъем. Оглядываемся. До самого горизонта тянутся каменные террасы разной высоты. А нам нужна самая высокая и темная – туда и направляем стопы. Здесь небо прозрачней, чем внизу. Его синева углубилась и выгнулась ввысь. Воздух очистился от пыли, хотя по-прежнему горяч. С трепетом подходим к фиолетовой горе, похожей на пень огромного дерева. Огибаем с восточной стороны почти отвесную стену – и видим чудо:

Будто море в каменной горе за многие века проточило глубокую бухту, и она покрылась... изумрудным ковром. Среди виноградников и ровных гряд с овощами высятся банановые пальмы, богатые смоквы, персиковые и гранатовые деревья. Они обильно осыпаны плодами, шелестят сочными листьями. Огромные цветы стелются по земле, пышные кусты разливают сладкое благоухание. Конечно, предупреждал нас авва, что увидим необычное, но такого райского изобилия мы никак не ожидали.

От огромной пещеры отделяется и мелкими шажками приближается к нам Старец. Его сопровождают огромный ленивый лев, вальяжный гепард и трепетная глазастая серна, они льнут к его ласковым рукам. Над белым хитоном развеваются волосы до колен. Серебристая борода ниспадает на грудь и достигает середины голени. От глаз и едва заметной улыбки исходит сияние. Когда мы падаем к его ногам, легкий сладчайший аромат окутывает нас прохладным облаком. И мы понимаем, что попали в земной рай.

Все, что происходит с нами дальше, разум вместить не может. Опустившись на цветочный ковер, вкушаем плоды райских садов. «Бысть сердце мое яко воск, таяй посреде чрева моего». Мы пьем напитки, от которых усохшая утроба расцветает весной. Мы слушаем пречудные глаголы, от которых трепещут Ангелы, незримо служащие нам за пиришественным столом. Нам хочется только одного: чтобы это не растаяло, не унеслось порывом ветра, никогда не кончилось!

По нашей просьбе дивный Старец поведал, как поселился он в этом месте. Как пришел в пустыню, горя желанием умереть для мира, умереть за грехи свои, умереть за Христа Спасителя. Четыре дня и ночи шел он сюда. А как взобрался на гору – так изнемог. Остаток сил решил положить на покаянную молитву. И молитва его была, как огонь. И вот Ангел Господень явился ему и коснулся чела рукой. И силы влились в изнемогающую плоть.

Еще четыре дня и четыре ночи пустынный молился, чтобы Господь принял его дух в руки Свои. Но снова явился ему Ангел и сказал: «Нет готовности тебе умереть, живи здесь и молись, пока Господь не взвесит и не решит, что молитвы перевесили прегрешения твои». И снова коснулся его пламенной рукой – и снова силы вернулись. Еще четыре дня и четыре ночи прошли в молитвах и бдени. И третий раз пустынный изнемог и пал на лицо свое. Тогда пришел к нему лев и принес корзину с водой, хлебами и финиками. И так жил он год и молился. А лев привел гепарда, и стали они носить корзинами землю из долины и укладывать на голые камни. Иногда над горой среди ясного неба повисало облако и проливалось дождем. И тогда из земли появлялись зеленые ростки и тянулись к небу. Пустынный только молился и дивился происходящему вокруг.

Так прошли многие годы. Пустынный давно потерял счет времени. И снова явился ему Ангел и сказал: «Господь взвесил молитвы твои и грехи твои. Отныне ты прощен и можешь оставить землю. Но если хочешь, молись о роде своем, ибо не все спасены и многие томятся в плену преисподней. Хочешь ли ты помочь роду своему?» – «Хочу, Господи!» – ответил пустынный.

Прошло еще время, и снова явился Ангел Божий и сказал: «Отныне и род твой спасен. Хочешь ли ты молиться за мир?» – «Хочу, Господи», – ответил пустынный. И так он жил здесь и молился сто лет и три года.

Знал пустынный о том, что происходило в мире. Господь показывал ему войны и скорби людей. Видел он и то, как молитвы монахов удерживают мир от гнева Божиего. И распинался он в молитвах за мир, от которого бежал в пустыню.

Так готовность к смерти рождает жизнь. Так жизнь торжествует. Чего же стоит нам услышать слово, которое звучит беспощадно там, где сливаются торжествующее небо и смиренная земля, где рай утверждает реальность блаженной вечности! Но слово прозвучало. И пронзило, ибо слово это – смерть.

Всю ночь служим последнюю земную Литургию Старца. Своды пещеры озаряются неземным светом, оглашаются хором ангельских голосов, дым кадил услаждает обоняние тончайшими ароматами... Но слезы, струятся по нашим щекам. А скорбь от скорого прощания со святым Старцем и собственное ничтожество перед ним – привносят в торжество Жизни горечь неизбежной смерти.

На рассвете Старец отдает нам свое последнее святое о Боже целование. Благословляет, начертав над нашими склоненными главами на воздухе огненный крест. Возносит последнюю молитву и возлегает на цветочный одр. Верными стражами окружают звери отходящего в вечность. Они скулят, лизжут его руки и стопы. Мы читаем отходные молитвы и псалмы. Склоняемся к светлому лицу Старца – он уже отошел, мирно и тихо. Улыбка блаженства застыла на его устах.

Переносим почти невесомое тело Старца в яму, выкопанную когтями льва и леопарда. Над нами кружат белые голуби. Все вместе – люди и животные – засыпаем тело пуховым прахом и обкладываем камнями. У подножия водружаем кипарисовый крест. Звери ложатся вокруг холмика и замирают бдительными стражниками.

Стоим и полушепотом рассуждаем, не остаться ли нам здесь. И в ту минуту, как склоняемся к этому решению, вокруг начинается что-то происходить. Мы оглядываемся и замираем. Райский сад тает на глазах. Через мгновение остаются только могильный холмик с крестом, да камни и небо окружают нас. Мы пребываем в оцепенении. Тогда лев с леопардом поднимаются со своих мест и медленно с угрожающим рычанием приближаются к нам. Мы со вздохом покидаем это место, тайную обитель земных подвигов Старца.

– Объясни, мой наставник, как же это происходит? У меня такое чувство, будто я сам участвую в событиях.

– Вспомни, как ты жадно читал жития Святых, каким ты был «алчущим правды». Потом время укрепляющей благодати ушло. И ты, как большинство новообращенных, вместо усиления подвига охладел, вернулся к суетной мирской жизни. Но все сделанное тобою для Царствия Небесного, для спасения души осталось в сердце. Как семена в земле. Да, да, оттуда, из сердца, все исходит сейчас по твоему произволению. Мне лишь остается немного тебе помочь.

– Но тебе зачем это нужно-то?

– Просто я тебя люблю.

– Признаться, очень приятно узнать, что тебя кто-то любит.

– Поверь, гораздо приятней любить самому.

В гостях у первой любви

Наконец, мы с Валерием присаживаемся на склоне холма. Перед нами течет река, переливается золотистыми блестками. В этот час то ли с небес, то ли изнутри тебя самого – сходит покой. Он укутывает реку, берега, стекающие к воде зелеными волнами, все вокруг. Тихий безмятежный покой примиряет прохладу низины и теплую высоту, струится вокруг, проникает внутрь. Покой, покой... Мой странный сосед перебирает шерстяные четки и улыбается уголками губ.

На меня же накатывают воспоминания...

Сейчас я молод и полон светлых надежд. Закончен учебный год, сдана напряженная сессия. Мне пришлось упорно взбираться на крутую гору. Замер, присел и погрузился в отдых. Впереди ждет что-то невообразимо радостное. Сейчас мне все по плечу, на душе легко, как бывает только в наивной юности. Я переживаю миг счастья глубоко и полно.

В этот час вечерней тишины и теплого покоя – все хорошо. Каждый цветок произрастает будто из моего сердца. Густой воздух прозрачен. Звуки мелодичны и плавны, они отзываются в каждой клетке моего естества. На скамейках сидят уютные бабушки, ласковые мамыши. Уставшие дети играют в траве. Сидевшая в одиночестве девчущка принимает из рук подбежавшего мальчика букет цветов. Наверное, первый в жизни. И сначала ее курносая мордашка, а потом и взволнованное лицо мальчика – вспыхивают неподдельным румянцем внезапного счастья! Впрочем, оставим их... Парочки и одиночки – молча сидят на траве, на скамейках дивного холма. Никому не приходит в голову шуметь и нарушать эту хрупкую гармонию.

Луч небесного света из блаженных обитателей Божиих сошел на суетную землю. Нет, это не земное. Такой блаженный покой земле не свойствен. В этот миг, когда люди устали, когда они тихи и смиренны, когда готовы помолчать, соединяется с землей Небесная мирность.

Пусть это кратко и фантастично, и большинство сидящих здесь людей скоро все забудет. Но хочется надеяться, что человек, сумевший помолчать в этом дивном отсвете будущего вечного молчания, уже кое-чему научился. Когда придет время великого жизненного выбора, он вспомнит это.

Из дома за высокими липами доносится музыка. Видимо, нужно очень сильно чувствовать, чтобы земными звуками так глубоко передать сладостную муку первой любви. В теплых переливах мелодии живут и радость глубокого сочувствия – открытие взаимного магнетизма; и трепет мучительного ожидания, и легкая тревога от возможности утраты, и гимн огромному чувству. О, если бы человек смог удерживать эту высоту всю жизнь! Если бы не вторгалось в хрустальную чистоту первой любви подлое самолюбие. Если бы умели мы дарить эту солнечную радость любви, не требуя взамен ничего...

Ах, эта тихая хрупкая скрипка!.. Куда ты так пронзительно зовешь, кого жалеешь? О чем так сладко плачешь? Глупая маленькая девочка, оставь... Право же, все это – уплывающий дым. Этого нет. Слышишь?.. Успокойся, наивная милая девочка.

...Только не слушает она. И томится, и расточает трогательные звуки из расплавленного горячей любовью сердца. И правильно не слушает... И не боится потери. Она все равно случится, увы. И боль еще предстоит пережить. Это неизбежно.

Но пусть сейчас чья-то любовь живет и проливает свет на всех. Когда человек любит, он принадлежит вечности. Любящее сердце, как свеча в темноте, освещает и согревает все вокруг, раздаривая ближним надежду. Почти всегда первая любовь проходит. Эту небесную высоту удержать в себе долго невозможно. Слишком слабы и неустойчивы светлые силы нашей души. Но, пусть, пусть она будет...

Только на небесах возможна любовь вечная. Только там, где нет темных сил, разрушающих этот детский чистый восторг. Хотя бы временно, хоть сколько, но пусть живут в сердцах

людей взаимная любовь, детская доверчивость, наивная романтика, светлая радость... Это не забудется. Это никогда не бывает напрасно.

Потому что любовь есть! Настоящая, вечная, истинная!

И если человек на земле воспримет свет той блаженной любви, то он сумеет жить ею и в вечности. Так что пусть сладко поет ночная скрипка, пусть тают сердца, пусть дети и взрослые, нищие и богатые, злые и добрые, все, кто способен, – прикоснутся к вечности. Такое не забудется.

Свет чистоты, мерцающий в душе

Однако наступает ночь. Странник приводит меня в какое-то помещение, где можно заночевать. Здесь имеются стол, кровати и Красный угол с бумажными иконами. Мы слегка перекусываем и становимся на молитву. После чего странник быстро засыпает. Мне же не спится.

Так случается иногда: кажется, наступает предел, и сейчас упадешь. Но если соберешь волю в кулак и потерпишь минуту-другую, то свыше дается импульс, и в тебя вливаются силы. Усталость прошедшего дня уступает чувству духовного голода. И этот голод требует немедленного насыщения. Сейчас я осознаю, что сам этого жаждал. Слишком долго ждал я освобождения, чтобы сразу насытиться. Сижу перед бумажными иконами, бездумно смотрю на язычок пламени лампы и жду...

Ночная тишина – великий дар, духовное золото. Сейчас кажусь себе сказочным богачом. Только вместо бездушных блестящих побрякушек в моих кладовых – ночная тишина, обитель молитвенных озарений.

...Рассвет застает меня поверженным ниц. Я пытаюсь догнать улетающий сон, но быстро забываю, о чем он; остается лишь радостное ощущение от касания чего-то необычайно светлого. Поворачиваю голову и медленно поднимаю веки.

По стене пробегает рыжий таракан, глаз натывается на облупленный остов кровати, по полу – истоптанные ботинки. Спертый воздух сотрясает раскатистый храп. В нос шибает тяжелый запах несвежих носков. Поднимаюсь, сажусь на кровати и с интересом разглядываю человека напротив. Вернее, его заспанное лицо со спутанной бородой и приоткрытым ртом, да еще руку, выпростанную из-под шерстяного свалывшегося одеяла.

Впрочем, что способны мы увидеть своим поверхностным зрением? Даже не верхнюю часть айсберга, а лишь наружный молекулярный слой. Это всего лишь тень той огромной вселенной, которая заключена в явлении под названием человек. Там – под одеялом, простыней, кожей, мышцами, костями, сухожилиями – бьется сердце, плоть, мышечный мешок. Конечно, сердце связано с душой. Иначе, отчего оно так бьется, когда душа в смятении? И почему пребывает в мерном покое, когда душа покойна?

Спит мой сосед по комнате. А там, в центре его сердца, живет вселенная, царствует Создатель ее и ждет человека в дом Свой. Ждет званым гостем, ждет возлюбленным сыном, искупленным величайшей жертвой – страданиями и смертью Бога-Слова, Сына Человеческого, кроткого Иисуса из городка Назарет на задворках великой Римской империи.

И впервые осознаю, как он огромен, как велик и прекрасен человек, мой сосед, брат, с которым свел нас Господь в одной точке огромного мира.

В нашу скромную комнатку входит священник.

– Доброе утро, страннички. Давайте, поднимайтесь, на трапезу пора. Матушка зовет.

Пока идем от странноприимного дома, расположенного в обшарпанном купеческом особнячке, к многоэтажной башне, где живет священник, он рассказывает, каково содержать такое заведение.

Много сейчас бомжей, бывших заключенных. Выучат пару молитв и под странников Божиих рядятся. Ему-то, священнику, что... Ну, в крайнем случае, обворуют, да поколотят малость, а матушка переживает. Очень у нее высокие приложения к нашему падшему миру восьмого века. Ну, да что поделаешь, что поделаешь, родные, коль такое послушание свыше дано, тут терпеть и еще раз терпеть надобно. С креста не сходят – с креста снимают.

Матушка его из женщин властных и суровых. Из тех, кто считает, что она шея, которая вертит господской головой, как вздумается. Батюшка же удивительно спокойно сносит эти Евины прародительские амбиции, за что имеет нечто очень сильное, коренящееся внутри сердца...

...Чтобы понять женщину, нужно увидеть в ней девочку. Ту самую, которой она была в раннем детстве. Оттуда произрастают ее нынешние радости и неприятности. И если взрослые ее проблемы стали трудно переносимы, то когда докопаешься до истоков, станет легче их прощать и быть снисходительным.

Как-то давно в гостях у друзей забралась ко мне на колени крохотная девчушка. И затеплилась во мне сладкая волна отеческой нежности. Когда видишь такую куколку, то и в голову не взбредет спрашивать, мальчик это или девочка. Тот милейший ребенок, был несомненно девочкой, к тому же очаровательной: нежной, застенчивой, доверчивой. Эдакой крохотной принцессой на горошине с круглыми глазками-вишенками, пухлым ротиком и темно-каштановыми кудряшками. Конечно, родители ее баловали, ласкали, задаривали подарками.

Изредка встречаю эту девочку и сейчас. Разумеется, она уже взрослая девушка. С хорошо оплачиваемой работой и непрерывной чередой романов. Стройная, энергичная, она лихо водит серебристый «Опель», сбросив босоножки, босыми пятками тыча в педали и привычно огрызаясь на издевательские гудки и жесты водителей мужского пола. Как бы раздражала она мои несвежие нервы, если бы внутри этой эмансипированной особы я постоянно не видел ту маленькую девочку, которая уютно сидела на моих коленях и потешно лакомила куском торта.

Как-то встретил ее в обществе молодого мужчины. Громко окликнул ее, а парень, пока она шла ко мне, шарил по ее фигуре плотоядным взглядом. Мы с ней поздоровались, обменялись парой фраз, и у меня возникла идея. Пригласил я их в ближайшее кафе на чашку кофе. Сперва юноша насторожился, но она сказала, что я старый друг ее родителей, сделав ударение на слове «старый». Да еще, представляя, к моему имени подвесила «дядя», как в детстве. Тем самым напрочь успокоила приятеля, походя отправив меня в дом престарелых.

Мы сидели за столиком, слушали бархатную мелодию Поля Мориа. Я вступил: «однажды, прекрасным осенним вечером... – и полились воспоминания. – Одна маленькая девочка при моем появлении у друзей сначала забралась от страха под стол. Потом издали корчила смешные рожицы. Затем осмелела и вскарабкалась ко мне на колени». Взрослая леди рядом красиво улыбалась, опустив глаза. Я рассказал, какой она была очаровательной малышкой. Как родители оберегали ее, водили в детсад, потом в школу. Мы все переживали буквально за каждый ее шаг в новой самостоятельной жизни. Вспомнил, каким она стала угловатым подростком, как стеснялась длинных ног и рук, нескладной походки и порывистых жестов взрослеющего тела. Как жалела девочка малышкой и животных. Она не могла убить даже муху, мотылька или паука, а полотенцем бережно ловила и выпускала в окно.

Слушая этот рассказ, ее приятель медленно превращался из плейбоя в задумчивого парня. Потом я обрисовал ее родителей, честных трудяг, всю жизнь посвятивших детям. Они отказывали себе во всем. Детям же находили возможность подкупать обновки, оплачивать курсы иностранного языка и занятия спортом.

Потом рассказал о ее маме, какой красавицей была она в юности. С длинной косой, царственной походкой и плавными движениями гибких рук. На нее оборачивались мужчины на улице – она же оставалась скромницей. И все ждала своего «принца под алыми парусами». И дождалась. Сумела создать с ним крепкую дружную семью; стать верной женой и ласковой матерью. Поэтому и дочери у них такие хорошие выросли.

Мне показалось тогда... Нет, у меня возникла уверенность, что парень сумел увидеть в своей подруге бесценную душу. Многогранную личность, которую заботливо и кропотливо выращивали, воспитывали, оберегали, как дивный цветок в оранжерее. Во всяком случае, уходили они от меня чуть другими. А позже парень познакомился с ее родителями и полюбил этих добрых людей. Ну, а потом у них состоялась свадьба. И я там был, вино с боржоми пил... Жених, помнится, очень тепло пожал мою руку... очень трогательно, право же, да...

... За столом прислуживает и затем подсаживается к нам старшая дочка священника. Красавица, светлая, как июльский рассвет. Вот уж батюшке отрада и тихая нечаянная радость. Глядя на таких ангелоподобных девушек, глаз отдыхает, а душа тишайшим елеем наполняется.

Помню, однажды на заре своей юности, одна такая девушка произвела в моей душе переворот отношений к противоположному полу. Надо признаться, что в ту пору любая девушка была для меня объектом чисто телесного интереса. Как-то приехали мы с родителями на дачу к знакомым отца, а там – домашняя красавица. Поначалу, конечно, во мне проснулась буря страстей, даже испугался. Но, видимо, девушка наблюдала это природное явление не впервой, поэтому встала с кресла, взяла меня за руку и вывела во двор.

Лена, так звали ее, сразу открылась мне как другу. Или как брату. Стена между нами мигом рухнула. И мне стало с ней так хорошо! У Лены напрочь отсутствовали кокетство, насмешки, лукавство. Она была естественна и чиста, как малое дитя. Но при этом умна и наблюдательна, как взрослая женщина. Два дня мы с ней говорили, бродили по лесу, купались в озере, сидели вместе со всеми за столом на веранде – я не уставал удивляться этой девушке.

Как это можно – сохранить такую ясность в душе, когда вокруг гаденькие смешки, двусмысленные намеки, а то и наглая мерзость. Она сумела так себя поставить, что осталась вне грязи.

Вспоминаю, до чего с ней было легко и весело! Мы как бы вернулись в ушедшее детство. Я любовался ею, как цветком, как бабочкой. Доставляли радость ее музыкальный голос, ее движения, да просто быть рядом... Я принимал те два дня с Леной как незаслуженный подарок, как высочайший образец отношений, как эталон сказочного будущего. Которое обязано наступить, просто обязано сбыться – иначе все зря.

Много позже, когда я читал у Святых отцов про целомудрие, мне вспоминалась Лена, к ней относил я дивные слова: благоухание, свет чистоты, ясность очей, радость сердца. Не удалось мне больше свидеться с Леной, но там, в памяти сердца живут те два дня, проведенные с ней. Мне нравится туда заглядывать.

В пропасть за овечкой

...Прощаемся с батюшкой, с его семейством и, благословясь, трогаемся в путь. Странник впереди, ну а странствующий, то есть я, сзади. Нам предстоит покинуть этот город. Нет, вырваться из его цепких объятий. Не знаю почему, но кажется, это будет непросто.

Идти по городу – особенно по такому – дело нелегкое: то слух режет сквернословие и похабщина. Глаза невзначай скользят по рекламным щитам с вульгарными картинками, нарядам нестрогих дам. Тебя толкают и задевают сотни грубых рук, жестких локтей. Молитва сбивается, комкается и рассыпается, как упавшая на каменный пол хрустальная ваза.

Случается, хожу среди толпы в окружении суетливого самодовольства. То и дело напарываюсь на холодную сталь чужих глаз. Нынче на виду нечто нагловатое, орущее, капризное. Только это не греет. Наоборот... Поэтому шарю глазами в толпе, ищу простую трудовую доброту. Она неброская. Она в тени, в тиши, в покое усталости. Но как приятно узнать, что это живет и действует, кормит, нянчит, растит... Как сразу окатывает теплом встреча с такими людьми.

Наконец, вижу наивные глаза на грубоватом лице, подхожу осторожно, чтобы не спугнуть, и говорю:

– Ну, что ты, брат, не горюй. Поверь, все будет хорошо.

– Ты и вправду так думаешь? – спрашивает он, подняв грустные глаза.

– Конечно! Иначе и быть не может. Если остались еще на свете люди с грустными усталыми глазами.

– А что в этом такого? – удивляется он.

– Ну, как же, неужели ты не понимаешь, что это настоящее. Здесь нет лжи. Нет лукавства. Но есть страждущее сердце, которое отторгает разрушение и грязь. Оно страдает в тесноте, оно плачет и требует ясности созидания. И находит. Со временем.

– Как ты хорошо сказал, – он с волнением теребит ворот рубашки грубыми пальцами. – Я тоже так думал, но словами сказать не получалось. Так говоришь, все будет хорошо?

– Да. Непременно, брат! Обязательно!

– Ты знаешь, я тебе верю, – вздыхает он и кротко улыбается. – Спасибо.

Мы прощаемся и расходимся. И каждому становится чуть лучше. А у меня возникает желание в Иисусову молитву вплести новое имя, если удастся узнать, или «этого доброго человека». Хоть так...

...Однако, Вестник не оставляет меня без своего попечения. И среди людской толчеи то ли я сам, то ли сознание мое перемещается туда, где со времени деяний до наших дней живут дорогие нам и близкие Святые.

...Дверь гостиницы открывается, и на порог ступает воин. Его кожаные латы запылены, шляпа с широкими полями наполовину скрывает мужественное лицо, прочерченное глубокими морщинами. Хозяин, прикорнувший от скуки за столом, открывает заплывшие глазки и с недоверием разглядывает посетителя. Воины – народ особенный. Кто-то вином упивается, чтобы пригасить кровавые картинки прошлого, и дрыхнет потом сутками напролет. А кто-то и дебош не прочь устроить. Человек, привыкший проливать кровь, не очень-то высоко ценит и свою жизнь, и чужую. Нет, этот кажется спокойным. Да и седина вон из-под шляпы выбивается. Хотя с этим отродьем все равно поосторожней нужно.

– Слышал я, хозяин, что живет у тебя красавица по имени Мария. Как бы мне ее увидеть.

– Есть такая, – кивает тот лоснящейся лысиной, растянув толстые мокрые губы в гаденькой улыбочке. – А не староват ли ты для молодой девицы, жадной до ласки?

На заляпанную поверхность стола ложится монета. Наметанный глаз хозяина распознает золото. Его широкая ладонь с короткими пальцами прихлопывает монету.

– Пригласи-ка ее, приятель, и устрой нам хорошую пирушку, – хрипло басит старый солдат, присаживаясь за стол в самый темный угол под лестницей. – Издалека я приехал ради нее.

– Сию минуту, господин, – суетится толстяк, резво взбираясь по крутым ступеням на второй этаж, где размещаются гостиничные комнаты.

И вот по грубо оструганным перилам скользит изящная рука в кольцах и браслетах. Таинственно шуришат кружева пышной юбки, позвякивают цепочки, переливаются бусы. Дивная красавица с распущенными по открытым плечам кудрями походкой пантеры приближается к воину и садится на соседний стул.

Пока вояка заигрывает с девицей, расторопный хозяин ставит перед ними медный кувшин с лучшим красным вином, толстенный окорок с чесноком, соленые маслины, румяные лепешки.

Воин с девицей пьют вино, с аппетитом закусывают. Из полумрака, где они веселятся, хозяину слышны лишь солдафонские шуточки, да залихватский смех Марии. Никогда она так не смеется в хозяйских объятиях. А на его просьбу выйти замуж только усмехается, да сверкает черными глазами. Как-то раз он попробовал ей пригрозить, так не успел закончить фразу, как к его горлу прижалось лезвие ножа для разделки окороков. Но, как хороша эта Мария! Ладно, пусть себе развлекаются. Только бы золотые ему приносила. А уж на золото он себе женежку не хуже подыщет. Так. Кажется, наелись. Осталось половина окорока и полкувшина вина. Будет чем унять тоску. Мария обвивает гибкой рукой вояку за широкий пояс с медными бляхами и ведет в комнату наверх. Старый развратник размахивает руками и отпускает дурацкие шуточки.

В комнате Мария усаживает воина на кровать и прижимается губами к его шее. Но что это! От этой продубелой морщинистой кожи исходит тонкий аромат. В памяти всплывает ее убогая келья, увешанная иконами и лампадами, и маленькое окошко, через которое она общается со старцем Авраамием. Это из его окошка лился такой же дивный аромат. Слезы встают в ее черных очах.

– О горе мне, горе! – вырывается из ее груди.

– Что с тобой, Мария? – звучит над ее ухом хриплый бас.

– Лучшие бы мне умереть раньше, – со вздохом произносит красавица, низко опустив голову.

– Ну-ка подойди и разуй меня, – ворчливо хрипит воин.

Мария понуро склоняется к его пыльным сапогам. Вдруг в ее плечи впииваются сильные пальцы. «Ну и хватка у этого старика», – мелькает у нее в голове. Она поднимает голову и силится разглядеть лицо посетителя. Военная шляпа с широкими полями затеняет его. Одна рука старика оставляет ее плечо и срывает шляпу. Свет от масляной лампы освещает лицо... старца Авраамия. Он плачет, как ребенок, и прерывисто говорит:

– Дитя мое, Мария, ты узнаешь своего старого воспитателя? Двадцать лет, с самого сиротского младенчества, охранял я твою ангельскую чистоту. Где твой слезный плач? На что ты променяла сладостные подвиги поста и бдения? Словно с высоких небес ты упала в грязную яму. Почему не сказала мне, когда согрешила, чтобы я взял на себя подвиг покаяния за твой грех? Каждый человек немогущ, любой может пасть и согрешить. Только один Бог без греха. Ты слышишь, дитя мое маленькое?

Но Мария не отвечает. Бледное лицо в пятнах стыда и ледяные руки безвольно упали. Будто кукла содрогается она в крепких руках старца.

– Мне ли ты не отвечаешь, жизнь моя! Ведь это ради тебя вышел я из затвора, ехал на лошади в эту даль, вкушал презренное мясо и упивался вином, выдавая себя за старого блудника.

Только на исходе ночи приходит в себя Мария и, успокоившись, говорит сквозь слезы:

– Стыдно и горько мне, учитель. Как я могу молиться Богу оскверненными устами?

– Дитя мое, да будет грех твой на мне. Я буду отвечать за тебя на суде Божиим. Тебя же я умоляю, дитя мое возлюбленное, вернись в свою келью, да затворись в ее спасительном покрове. Пощади мою старость!

– Если ты уверен, что Господь простит меня, то я готова все оставшиеся дни провести в покаянии. Я счастлива буду умывать своими слезами твои ноги, которые привели тебя сюда для моего спасения.

– Встань же! Пойдем отсюда.

– У меня здесь в тайнике много золота. Что мне с ним делать?

– Это нечестное богатство, деточка. Оставь его, и уйдем.

Бесшумной тенью проскальзывают беглецы мимо хозяина, храпящего за столом в обнимку с пустым кувшином и обглоданной костью. Авраамий подсаживает Марию на широкое седло из воловьей шкуры, садится сам. Сперва сильно гонит старец лошадь, отдохнувшую за ночь. Затем, когда город остается далеко за холмами, он спешивается и ведет ее под уздцы, радостно оглядываясь на притихшую Марию, как пастырь на заблудшую овечку.

И не страшно, что во время этой поездки пришлось оскоромиться. Господь не в желудок смотрит, а в сердце. И если там живет жертвенная любовь к падшему созданию Божию, то и Небеса сорадуются спасительному обращению. И не страшно, что от долгой тряски в седле напомнили о себе старые переломы, отбитые почки, которые теперь ноют и горят.

...Три года на берегу солнечного Геллеспонта он ради послушания епископу обращал в христианскую веру язычников. Три года избивали его несчастные язычники кольями и камнями до полусмерти. Но однажды собрались вместе и вспомнили, что ни разу от старца никто слова плохого не услышал, но только ласку и кроткие вразумления. И пошли они к Авраамию, и просили его пасти их стадо заблудшее.

Но ни пятьдесят лет земляного затвора, ни обращение язычников, ни победа в схватке с самим сатаной – ничего так не радовало старца, как возвращение этой заблудшей овечки.

Вернувшись в свою келью, Мария дни и ночи напролет слезно молит Бога о помиловании. Ее рыдания прерываются лишь на миг, возгораясь снова и снова. Длится это год за годом – несколько лет. Но Мария утратила чувство времени. Для нее открылись врата вечности. Огнем покаяния она воссоединяется с огнезрачными жителями небес. Старец Авраамий иногда принакает к окошку, соединяющему их кельи. И обоняет тонкий аромат, текущий оттуда. В знак прощения милостивый Господь дарует Марии благодать исцеления. И множество приехавших издалека хромым и расслабленных уходят отсюда на своих ногах.

...Не сразу, как от сна в явь, возвращаюсь в обычное состояние. Ноги идут, руки двигаются в такт, а душа творит свое дело.

В дивный миг, когда мое сознание освобождается от множества нитей, раздрающих внимание в разные стороны...

В дивный миг, когда время останавливается...

...А пространство плавит углы и высоты, обращаясь в поток, который бесшумно подхватывает и бережно несет меня в океан сверкающего покоя...

В редчайший по красоте миг попытки моего смирения...

...Чья-то грубая рука хватает меня за плечо и разворачивает от мирного покоя к мятежному уродству: передо мной красные глаза пьяницы. С трудом узнаю в опухшей физиономии знакомые черты своего приятеля.

– Слышь, Тихон, ты это... там Маня с какой-то японкой гуляет вторую неделю, – тычет он трясущимся пальцем в сторону пивбара. – Ты это... я больше не могу. Здоровья нет. И на работу пора. Ты это... вытащи ее оттуда. Она тебя послушает. Все. Аут... – он понуро уходит. Его качает ветром. Его сейчас, как плащ, можно через плечо перебросить.

Оглядываюсь на Валерия. Тот невозмутимо кивает и шепотом произносит: «во ад сойду – Ты там еси». По дороге ему поясняю. Маша – моя школьная подруга. Она постоянно влипает в какие-то неприятности, из которых приходится ее вызволять. Вообще-то она добрая, готовая каждому помочь. Но все делает как-то глупо. Может быть, поэтому у нее все через пень-колоду. Она чистосердечно влюблялась в мужчин и серьезно выходила замуж три раза. Только мужья на второй месяц начинали гулять от нее. Она узнавала об этом через подруг и приступала к спасению брака. Мужей находила она среди богемы. Им было невдомек, как можно жить с одной женщиной. Так она влюбляется до сих пор и все так же упорно попадает в скверные истории.

Итак, мы спускаемся в подземелье с красно-черными стенами, чем-то похожее на местность, на которую намекал Валерий. У входа в зал дорогу нам преграждает охранник. Объясняя, что пришел к Маше, называю полное ее имя. В это время из зала раздается крик:

– Тихон! Входи. Пропустите его.

Мы с Валерием входим в полупустой зал, где накрыты несколько сдвинутых столов. Здесь сидят четыре человека. Среди них две резвые женщины и двое мужчин, способных лишь кивать и многозначительно улыбаться. Метрдотель провожает нас и уважительно сажает напротив. Видимо, девочки не спуются...

– Тишенька, счастье ты наше! Что же ты так долго ехал? – вопит Маша. – Я приказывала тебя доставить много раз.

«Счастье» – это перевод моего имени на русский язык... Разглядываю свою школьную подругу. Если бы не яркий румянец на впалых щеках и с гнусавинкой прононс, понять, что эта дама пьяна, было бы невозможно. У Маши все длинное: пальцы, шея, ноги, нос, глаза и губы – это следствие, по ее мнению, смещения в ее артериях разнородных кровей. Впрочем, судя по ее бесшабашности, русская все остальные придавила. Перед ней за частоколом бутылок и бокалов высится гора красных панцирей и окурков. Рядом лежат сотовый телефон, пудреница и телефонная книжка. Она одновременно ест, пьет, курит, давит пальцем на кнопки телефона, делает пометки в блокноте и говорит:

– Ты видишь эту узбечку? Вообще-то она не узбечка, а японка. У нее папа русский дипломат, а мама японская японка. Зовут ее Катька. Вообще-то она не Катька, а какая-то Катаяма, что ли? Я так до сих пор и не выучила. Не важно! Катька как приезжает в Россию, в ней русский генотип дыбом встает, и она зовет меня водку пить. И самое страшное: у нее денег и здоровья ужас сколько. Мы уже две недели гудим, здесь перебивало пол-Москвы. Здоровые мужики падают, их выносят, а Катька только сегодня икать начала. А это значит, что запаса прочности у нее еще дня на три-четыре. Нет, ну ты скажи, Тишенька, это у нее от Стеньки Разина или от самураев?

– Это, Манечка, смотря на какую тему вы пьете, – рассуждаю вслух.

– Она пьет, потому что ей в России грустно делается.

– А почему грустно, Катюш? – заглядываю в щелочку узких глаз.

– Смысла... ик... не могу... ик... найти... ой! – задумчиво поясняет русская японка.

– А почему, Катюша, ты столь тонкий предмет в подвале ищешь? Вы что там, на своих островах, Достоевского не читали, или Бунина, Акиру Куросаву не смотрели?

– Там это не нужно, а здесь некогда, – отвечает за подругу Маша. – Дело в том, что мы пытаемся найти смысл через людей, поэтому их сюда и зазываем. А они как накушаются, сразу нить теряют. Поэтому за две недели мы его и не нашли. И так каждый Катькин приезд.

– У вас машина есть? – спрашиваю наобум.

– Как не быть! Целый лимузин с «Мосфильма». Длинный, как батон сервелата. Думаешь, как мы народ туда-сюда возим.

Я встаю и решительно заявляю:

– Слушай мою команду! Всем на выход, погружаемся в транспортное средство.

Первой вскакивает японка, готовая на все, вплоть до харакири. Следом – Маша. За ними вяло встают мужчины из богемной сферы.

Ехать в лимузине еще терпимо, но забираться внутрь и рассаживаться по местам – это мучение. Полубезумные люди, согнувшись в три погибели, тычутся друг в друга, с охами и стонами расползаются по сидениям. Я сажаю Валерия рядом с водителем и объясняю маршрут. Валера кивает: дорогу он знает, был там не раз.

Маша, разумеется, усаживает меня в кресле рядом с собой. Поначалу она продолжает кричать, но чем сильнее она сотрясает мою барабанную перепонку, тем тише я отвечаю. Так и она затихает и говорит спокойно:

– Знаешь, Тишенька, я так устала.

– Еще бы – столько яда усвоить.

– Это, конечно, есть, но не главное. Понимаешь, надоело расшибать нос о стену. Уж столько раз жизнь меня учила, а все зря. Ты тоже чего-то вечно ищешь. Скажи честно, Тиша, ты нашел, чего искал?

– Нашел, Машенька.

– Правда? – подпрыгивает она и приближает ухо к моим губам. – Расскажи в двух словах...

– В двух не получится. Ты помнишь, Мань, когда коммунисты чуждые массам фильмы и концерты целую ночь по телевизору крутили?

– Конечно, – на Пасху.

– А ты помнишь, как мы с тобой из чувства протеста однажды в собор в пасхальную ночь сбежали?

– Ага! Прикинь! То пасхальное яичко, которое ты мне подарил, до сих пор у меня в серванте лежит. И не протухло!

– Как видишь, самое главное лежит на поверхности. Нужно только этому открыть сердце.

– Понял-а-а-а... – протягивает она, глядя на меня, как на полоумного. – Только это скуучно.

– А вот сейчас ты увидишь, где скучно, а где наоборот.

В салоне повисает тишина. Трое напротив нас мирно почивают, склонив головы друг другу на плечи. Вдруг Маша придвигается и громко шепчет:

– Ты знаешь, Тишенька, чего я сейчас больше всего боюсь? Похмелья. В последнее время это какое-то черное безумие. Меня всю трясет... Желчью рвет по три дня. В зеркало на себя противно смотреть – старухой выгляжу. Вот сейчас еду и думаю, как мне опять остановиться. И одно мешает – страх перед похмельем.

– И эта проблема сейчас решится.

– Ой, миленький ты мой...

Машина плавно тормозит. Мы открываем двери и выходим в другой мир. Здесь в тишине переливаются трели жаворонков. По одну сторону дороги широкое пшеничное поле, по другую – златоглавая церковь с двором наподобие монастырского. На стоянке теснятся блестящие иномарки вперемежку с «жигулями» и «москвичами». Внутри, вдоль гравийной дорожки, стоят фонари, всюду цветы и садовые деревья. Строения слегка напоминают греческие, с висячими балконами и внешними галереями.

– Здорово! Красотища! – восторгаются попутчики. – Это что, монастырь?

– Вроде того, – киваю.

– Кажется, я сейчас найду смысл, – говорит японка, перестав икать. – А нас пустят?

– Здесь служба длится почти до вечера, так что даже мы не опоздали. Думаю, то, что вы увидите, запомнится надолго.

В это время Валерий, застенчиво улыбаясь, подносит женщинам платки: большие и поменьше. Большие они обвязывают вокруг талии, импровизируя юбки, а поменьше – повязывают на головы.

– А чего делать-то?

– Стоять и смотреть. Обратите внимание, когда будет наступать пиковая фаза «концерта». Перед входом в храм надлежит трижды перекреститься. Вот так, – показываю на себе. – Если станет... волнительно, то произносите «Господи, помилуй».

В этот час в храме перерыв. Стайкой подходим к застекленному свечному ящику и берем восковые свечи. Ставим перед иконами и прикладываемся. Мы с Валерием впереди, следом старательно повторяют наши действия остальные. Японку больше всего поразили белые детские косточки под стеклом – мощи младенцев, убитых Иродом. Наконец, подходим ближе к иконостасу, где толпятся в ожидании люди.

Маша протягивает свечу юной девушке и просит поставить на праздничный подсвечник. Девушка такая благообразная: в платочке, в длинной юбочке, с кротким лицом. Рядом с Машей стоит интеллигентный мужчина в светлом костюме. И вообще, народ здесь весьма приглядный.

Наконец, распахиваются Царские врата, и выходит молодой священник. Кадит иконостас, спускается по ступеням вниз и обходит храм. Толпа уступает ему дорогу, выстроившись в линейку. Вдруг священник останавливается перед дамой в шикарном бирюзовом платье и прямо ей в лицо направляет облака ароматного голубого дымка.

Дамочка всхрипывает, грохается на пол и кричит басом:

– Проклятый поп, не тронь Наташку, она моя! Я ее целый год совращал.

– Выходи! – батюшка легко побивает женщину по голове кадилом.

– Ой, больно! Что ты делаешь, поп проклятый! Дай мне пожить в ней хотя бы год, а то князь меня бить будет.

– Уходи в бездну!

– Ой, больно мне! Дай пожить хоть недельку в этой дуре! Хоть один денек!

– Не дам, выходи сейчас!

– Ой, не бей по спине своим проклятым кадилом, это последнее место, где я могу жить.

– Как ты вошел в нее? Отвечай!

– Она к колдуну ходила, там в Наташку я и вошел. Она сама просила!

– Много ты людей совратил?

– Ой, не заставляй меня отвечать, а то князь меня накажет, бить сильно будет. Ты что думаешь все, кто здесь стоит, спасутся? Да многие на тебя, поп проклятый, только поглазеть приехали. А выйдут, сразу и забудут про церковь. Мы их тут цапнем и к себе в ад заберем, дураков.

– Именем Иисуса Христа выходи!

Женщину сильно трясет, она орет басом, хрипит и затихает. Обессиленное тело поднимают сыновья и уносят на скамью. Через несколько минут она очнется, ничего не вспомнит.

Посматриваю на Машу и остальных – стоят спокойно, только побледнели и рты поразевали. Мы с Валерой молимся за всех нас. Удивительно сильно и чисто пульсирует молитва. Есть от чего... После каждения батюшка выносит Евангелие. И произносит небольшую проповедь. Из нее следует, что бесноватость – результат добровольного обращения к силам зла: экстрасенсам, колдунам, гадалкам, бабкам, астрологам.

...А дальше начинается чтение Евангелия. И куда только девается благочестие окружающих? Девушка, которая передавала свечу, визжит, как свинья; мужчина в светлом костюме лает, как цепной пес; там и тут раздаются крики:

– Прекрати, проклятый поп! Что жжешь меня огнем раньше времени! Заткни-и-ись!

Парни из богемы забились в дальний угол и оттуда глядят исподлобья. Маша и японка жмутся ко мне с обеих сторон. Я сам было испугался, но молитва успокаивает и ограждает, поэтому делюсь покоем, пожимая их ледяные руки. Во время кропления святой водой начинается новый всплеск воплей и животных звуков. Здесь батюшке помогают мальчишки-алтарники лет десяти. Визжащим и гавкающим льют из ковшика прямо на головы. После обильного окропления напряжение спадает. У многих на лицах появляются улыбки. Лица наших друзей розовеют. Воздух в храме становится чистым и прохладным, как в лесу. Во время приложения ко Кресту некоторые снова кричат. Трех ведут под руки, они упираются. Но батюшка опускает крест на вжатые в плечи головы, и несчастные обмякают, повисают на руках помощников.

После водосвятного молебна мы уходим. Пока наш лимузин по разбитой бетонной дороге доставляет нас к святому источнику, я отвечаю на вопросы. При этом напоминаю, что всплески криков и воплей бесноватых приходились на чтение Евангелия, каждение, окропление святой водой и приложение ко Кресту. Так что мы наблюдали, какую огромную силу в борьбе с реальным злом имеют православные святыни. Напоминаю, что изгнание нечистых духов осталось только в Православной церкви – потому, что только она и является истинной Церковью, единой и неделимой, которую не одолеет зло.

Итак, по глинистой тропке гуськом спускаемся к святому источнику. Здесь, как ни странно, никого. Я поясняю, как нужно окунаться. Удивительно – никто не отказывается от купания. Первыми входим в купальню мы, мужчины. Сначала Валерий, потом я, за мной окунаются другие мужчины. Они басовито вскрикивают, но из воды выходят бодрыми. Один из них, Олег, изъявляет желание окунуться еще раз. Когда мы выходим из купальни, от нас исходит пар, что особенно заметно в косых лучах заката.

– Ну как, не страшно? – спрашивает Маша у Олега.

– Что ты, это какой-то полет, – расцветает тот блаженной улыбкой.

– Кстати, насчет полетов. Если небеса – это место, где нет бесов, то выходит, что погружение в эту святую воду – все равно, как на небесах побывать. Давайте, сестрички, вперед! С нами Бог!

Женщины с опаской заходят в полутемное помещение купальни, оборачиваются, машут руками и закрывают дверь. После недолгого шуршания и шепота мы слышим восторженные восклицания, сначала Маши, а потом Кати. Спустя пять минут они в клубах пара весело вываливаются из купальни.

– Ну, конечно, я предполагала, – размахивает длинными руками Маша. От волос ее рассыпаются брызги. – Но чтобы так хорошо и бесплатно – это что-то!

– А ты похмелья боялась... – напоминаю ей.

– Какой там!.. Ни-ка-ких последствий. Я как заново родилась!

– А я нашла смысл, – вдруг заявляет японская Катя, у которой даже глаза округлились. – Я теперь хочу быть русской.

– Вот и славно, – подытоживаю я.

– Да мы сюда будем ездить каждый день! – заявляет Маша, подпрыгивая от восторга. – Я здесь дом куплю и поселюсь навечно.

– А меня к себе возьмешь? – спрашивает японка.

– Ты же слышала, Тихон сказал, что мы сестрички.

Пересечение границы

После небесных купаний наши попутчики в благодарность поселяют нас в гостинице. Притом, не в обычном номере, а в коттедже на берегу реки, расположенном хотя и в черте города, но в относительной тишине. Одно тяготит – не дают нам покоя. По очереди они забрасывают нас множеством вопросов. Ни днем ни ночью не оставляют нас наедине. Появляются новые люди, приглашенные хозяевами. Иногда их в гостиную набивается столько, что они галдят и спорят, забывая о нас.

Тогда мы с Валерием выходим наружу и с Богородичной молитвой обходим коттедж вокруг. Обычно, возвратившись, мы застаем внутри усталую задумчивую тишину. Но все земное когда-нибудь кончается, как сказал царь Соломон. Кончилось и это. Наконец, удастся угорорить Машу отпустить нас с Валерием восвояси. Дороги странствий зовут нас! Впрочем, мы уже всюю по ним идем, правда, пока еще по асфальту огромного города.

Итак, мы с Валерием приближаемся к мистическому рубежу. В зримой области ощущение это всего-то кольцевая автодорога. Но сколько раз, пересекая ее, на въезде в город со мной и спутниками моими назойливо происходили неприятности. Например, если мы возвращались из паломничества, то портилось настроение, начинались ссоры, наваливалась беспричинная тоска.

Если кто-то ездил в монастырь бросать пить или курить, то после пересечения этой границы с них как бы срывался покров Божий. Желание снова выпить и закурить достигало такого горения, что терпеть не было сил. И тогда неделю не пивший и не кутивший, уверенный, что покончил с пагубной привычкой навсегда, вдруг хватался за любую возможность побыстрее угасить вспыхнувшее пламя страсти и уже к ночи, снова пьяный и обкутившийся, ругал себя последними словами, обзывая себя иудой поганым. И все соглашались: это некая граница утонченного зла.

И тут должно быть, чтобы импульс моего исхода достиг пика, чтобы и мысли вернуться не приходило, выходит из джипа и замирает в трех метрах от меня давний недруг.

Он прожигает меня взглядом, в котором читается испепеляющая ненависть, желание медленно смачно уничтожить, порвать на мелкие части, растоптать, соскоблить и сжечь, а пепел закопать. Пока я пытаюсь вспомнить его имя, молитва по частоте и силе уподобляется канонаде залпового огня, как при великом сражении. Одна половина моя съезживается от животного страха, другая – отчаянно тащит первую прочь от опасности.

Наш поединок выходит на финишную прямую, в конце которой меня ожидает далеко не триумф... На память приходят кадры из фильма о животных, в которых змея гипнотизирует лягушку. Змея замерла и глядит на лягушку. А та извивается, трясется, верещит, но... ползет. Медленно и неотвратно ползет, выпучив красные безумные глаза, напрямик в открытую змеиную пасть. В тот миг, когда я уже готов, подобно лягушке идти на плаху, происходит невероятное.

Как бы разом потеряв ко мне всякий интерес, палач «забывает» обо мне, опускает глаза, рассеянно хлопает себя по карманам, достает ключи и запирает машину. Затем вразвалочку, едва не двинув меня плечом, направляется в сторону торгового центра, что мигает неоновой вывеской.

– Он что, испугался или передумал? – спрашиваю облегченно.

– Просто я отогнал нечистого духа, который искушал этого человека сделать тебе зло, – поясняет Хранитель.

– Как отогнал?

– Взмахнул мечом и запретил именем Спасителя.

Вспоминаю икону Ангела-хранителя: на ней изображен златокудрый юноша с крестом в одной и – действительно – огненным мечом в другой руке.

– И часто ты это делаешь?

– Всегда, если ты просишь.

Сейчас нам предстоит пересечь границу города, пройдя сквозь трубу. Вспоминаю людей, побывавших в состоянии клинической смерти, из сочинений Раймонда Моуди. Они рассказывали, как душа, отделившись от тела, влетает в таинственный туннель, трубу, как хотите, несется, пока не попадает туда, где... все другое. Пусть эти картинки останутся на совести ученого, написавшего эту книгу. Но, конечно, есть какой-то переход от нашей усеченной вселенной к тому миру, где нет границ пространства и времени, где все невообразимо богаче и величественней.

Нет, с нами не происходит ничего необычного. Идем сквозь застекленный переход над автодорогой, вдыхая застоявшиеся запахи. Должно быть, ночью в этой безлюдной трубе жутковато, встречаются грабители, насильники, просто пьяные хулиганы. Как водится, до милиции в таких безлюдных местах не докричишься. И, наверное, злоумышленникам здесь просторно и безнаказанно. Однако сейчас светло, на остановке автобуса стоят люди, поэтому без приключений переходим сквозь трубу на противоположную сторону автодороги. И все-таки здесь уже другая картина.

Проходим быстрым шагом с километр, преодолевая грязный перелесок с большими деревьями. С каждым шагом становится легче.

Шагаем по полю. Наша тропинка пересекает его, разделяя на две огромные части. Ветерок волнами катится по изумрудным травам. Из-под ног взлетают птички и порхают вокруг, стрекозы срываются с качающихся травинок и повисают в воздухе, кузнечики скачут и стрекочут. Воздух напитан свежими ароматами. Небо сопровождает нас перистыми облаками, вытянутыми к незримому центру лазурного свода. Солнце тихо ласкает косыми лучами.

Я неустанно глазею вокруг и впитываю эту чарующую хрупкую красоту. Мой спутник не поднимает взора от тропинки с полегшей притоптанной травкой, прижатой к черной земле. Будто и нет ему дела до окружающего великолепия, но от него исходит дивное спокойствие. Вероятно, ему доступно созерцание красот более прозрачных и устойчивых. Они глубоко внутри него. Там, откуда исходит потребность молиться, и куда его молитва, осветившая страждущий мир, возвращается, чтобы излиться Божественной милостью на любимых, ожидающих чудес от Неведомого, которого узнают лишь сердцевиной души.

Пересекаем жиденькую лесополосу. Здесь по невысокой насыпи летят блестящие рельсы. Куда ведут эти пути? Зачем вы здесь, стремительные линии судьбы на ладони земли? Переходим пути, а на этой стороне болотце, вытянутое вдоль чугунки длинной зеленой линзой. С полкилометра идем по шпалам, вдыхая тяжелый запах нефтяной пропитки. А рельсы – из дали в даль – зовут к горизонту, за горизонт и дальше...

Но вот там, где рельсы сходятся в точку, появляется поезд, вырастает из крошечной букашки в гудящую громаду и, набирая скорость, едет прямо на нас. Мы сходим с насыпи и запрыгиваем на кочку, выпирающую из болотца. Мимо нас, тяжело грохочут пыльные вагоны. Оказывается, это воинский эшелон. Из окон вагонов и с платформ, груженных зачехленной бронетехникой, на нас сверху вниз взирают молодые солдатики. Кто-то из них кричит нам и свистит. Наконец, последний вагон уносится вдаль, превращаясь в пульсирующую точку. Валерий иконой крестообразно осеняет тающий поезд.

Хочется скорее углубиться в лес. Подальше от насыпи, от едкого нефтяного облака.

Сокровенное, истинное

Лес принимает нас под сень деревьев. Прохлада приятно освежает ноздри, гортань и кожу. Но здесь возникают и неприятности. То комары впиваются в лицо и руки. То паутина липнет к щеке. То сухая ветка метит в глаз острым сучком. Валерий не обращает внимания ни на что, идет себе и идет. Меня же тянет сорвать красную ягоду, подобрать тугой крепенький грибок, погостить в густом малиннике. Глаза то и дело бегают от травяной кочки к мшаному комлю, от белоснежной бересты к янтарной коре сосны. Но мой спутник собственным примером учит уходить от рассеяния. «Если привлечет твое внимание красота природная, то, не задерживаясь на ней вниманием, возноси скорей благодарность к Создателю ее». Так, кажется, учат святые отцы. Что-то у меня это не очень получается.

За густыми зарослями крапивы начинается спуск в глубокий овраг. Мы цепляемся за кривые деревца и змеевидные корни, выбирая выступы для ног. На одной из террас останавливаемся, чтобы перевести дух. Оглядываюсь. Внизу под нами в просветах деревьев поблескивает речушка. Неужели эта малышка так сильно подточила один из своих берегов, что он почти отвесно висит над ее узкими изгибами. Слева и справа к склону оврага лепятся жиденькие кусты и корявые деревца.

А сзади нас... зияет пещера глубиной метра в два. Мы заглядываем внутрь. И здесь ожидает нас нечто необычное для жаркого лета: снежный сугроб. Трогаю его ногой. Снег под подошвой скрипит и проседает. Под грязноватым верхним слоем из глубины поблескивает морозная белизна. Я беру в ладонь горсть снега, разминаю пальцами. Он быстро тает. Что за тайна? Почему здесь живет, скрываясь от жаркого лета, зима?

Спускаемся вниз, по шатким бревнам переходим речушку и снова вступаем в густой смешанный лес. Да еще попадаем в бурелом. Приходится то перелезть, то проползть под рухнувшими стволами деревьев, покрытыми густым мхом. Наконец, выходим на равнину.

Мои глаза не могут насытиться созерцанием удивительного уголка нетронутой природы.

Здесь нет мусора и черных кострищ, оставляемых беглецами от цивилизации. Нет окурков и стреляных гильз. Сюда не проехать на машинах, нелегко пройти пешком. В это царство чистой природы, наверное, допускаются только те, кто способен любить красоту и относиться к ней, как к великой ценности.

Этот дивный оазис нетронутой заповедной природы охраняется Творцом. Чтобы кто-то изредка появлялся здесь и полюбовался целомудренной сокровенной красотой.

Сколько здесь первородного простора! Все наполнено свободным ветром и солнечным светом. Старые сосны тянутся в небо органными трубами. Молодые сосенки схожи с натянутыми струнами арфы. Ветер наполняет дыханием орган, легкими девичьими пальцами едва касается струн – и вот поет, звучит пространство леса, а под ним – отзывается упругий ковер, сотканный из хвойных золотистых нитей; а над ним – лазурный небесный свод, выгнутый в бездонную прозрачную высь. Весь этот лесной концертный зал наполнен гимном Творцу. Все тут дышит и поет единой музыкой солнечной радости.

За краем леса открывается луг, покрытый высокой сочной травой. Над цветами резвятся бабочки, гудят шмели и звенят пчелы, заливаются жаворонки, бесшумно носятся стремительные стрижи. Гладкобокие коровы, лоснящиеся гривастые лошади, кудрявые овечки мирно соседствуют, расположившись по кругу. Они с аппетитом хрумкают сочную пряную траву. Осмелевшие их детеныши отбегают от занятых обедом родителей в центр круга, и предаются детским забавам. Малыши прыгают, кувыркаются на упругой траве, тычутся любопытными носами в мягкие бока веселых приятелей, глупыми губами ловят смешных бабочек. Дети – они все хорошие. Человеческие или коровьи, лошадиные или овечьи, кроличьи или кошачьи,

они ласковые и шаловливые. Им непонятно, зачем родители зорко охраняют их. Ведь жизнь так хороша! А вокруг все так красиво, интересно, любопытно.

...Ты говоришь, все плохо и нет ничего впереди. Ты говоришь, все кончилось и хорошее осталось в прошлом. Или ты слеп, или не хочешь видеть того, что есть и будет. Да, мир оплетен сетями зла. С этим трудно не согласиться. Да, многие люди довели себя до скотства и потеряли человеческий облик. Но!..

Всегда и во все времена остаются люди, которых Господь сохраняет для Себя. Которые «не подклонили выю Ваалу», не продали душу за кусок золота или желязную корону мирской славы. И по сей день «не стоит село без праведника». И если еще жизнь продолжается, то потому, что существует «соль земли» и остов, на который всё опирается.

Не суди по толпе. Во все времена после грехопадения зло в большинстве, поэтому Исаия и воскликнул, будучи в духе: «Не следуй за большинством на зло». Не суди по тому, что назойливо лезет в глаза, предлагает себя, навязывает. Зло агрессивно и нахально.

Добро же всегда сокровенно. Истинное не будет вопить о себе, как вор, орущий: «держите вора!» Зачем? Соль земли растворена в толще земли. Остов сокрыт в середине тела. Дух животворящий не пощупать и не увидеть – это сокровенно. Истинная любовь тоже не будет кричать о себе, капризно топя ногами. Она застенчива, робка. Она опасается потери и предупреждает целомудренным сокрытием возможные насмешки. Ведь всегда найдутся завистники, да и просто пошляки, готовые растоптать, испоганить, освистать то, что сами в себе уничтожили – чистоту любви.

Но, слава Богу! – было и остается: восход солнца и «доброе утро», дети и старики, мамы и бабушки, праведники и монахи, подвижники и блаженные, цветы и радуга, небо и облака. И вот такие – сокрытые уголки природы, как этот лес и луг – просторные и полные ветра и солнца, где все живое радостно тянется к небу.

Как все это осталось нетронутым? – Тайна. Промыслительно заповедный островок этот сохранен, как напоминание об утраченном рае, о великом совершенстве Божиего царства, в котором человек предназначен быть царем. Не вороватым холопом, с трусливой завистливой оглядкой гадящим в ненавистном дворце – но хозяином, который рачительно охраняет и содержит в порядке родовое свое наследство...

Обходим луг по краю леса и снова углубляемся в лесной простор. Появляются березы, осины, орешник, малинники. На полянке присаживаемся перевести дух. Прислоняюсь к теплой березе и прикрываю глаза, вслушиваюсь в тишину.

Там, под разлапистой корявой сосной, стоит махонькая избушка. На крыльце сидит усталый от трудов монах. В спутанной бороде его застряли веточки, хвоинки и обрывки паутины. На впалых загорелых щеках сидят пухлятые комары. Он позволяет им терзать себя. В его огрубелой руке, покрытой ссадинами, перетекает по пальцам шнурок с узелками. Это четки.

Вот он встает и поднимает руки к небу. В этот миг все вокруг меняется. Даже легкий ветерок упругой волной прокатывается по листве и травам. «Боже мой, Боже милостивый!» – произносит он громко и замирает с воздетыми к небу руками.

В это время к монаху слетается мелкая зудящая мошкара и собирается в густое роящееся облако. Это черное облако повисает перед ним. В его нарастающем звенящем гуле явственно проявляются звуки хорового пения. Монах только слегка, едва заметно, вздымает руки в такт дыханию, слившемуся с молитвой. Но даже на эти почти незаметные движения рой мошкары откликается пульсацией, источающей звуки, похожие то на «Аллилуйю», то на «Иже херувим», то на «Кирие елейсон».

А вот и птичий хор вступает множеством разных голосов. Сюда влетают свои шелестящие звуки травы и цветы, листья и ветви деревьев. Здесь же виолончелью, скрипками,

*флейтами заходятся имели, пчелки, мухи, кузнечики, цикады... Солнце прыгает по небу и
рассыпает радужные лучи. Облака водят плавный хоровод невест в белых нарядах.*

Все поет и хвалит Господа.

Все вопиет о великой вечной любви, соединяющей тварь со Творцом.

А монах тянет руки к Отцу и плачет...

Один из нас, но другой

Переступаем через железнодорожные пути. Приближаемся к небольшой станции, утопающей в цветах и кудрявых деревьях. Нагоняет нас коренастый лысоватый мужчина лет пятидесяти с двумя большими сумками. Волосы его коротко острижены, темно-русая борода всклокочена, взгляд цепкий, суетливый.

– Мир вам, братья, – приветствует он нас. – Куда путь держите?

Мы здороваемся и знакомимся. Зовут его Василий. Едет не с рынка с обновками, но от городских друзей в нищий приход везет книжки и одежду. Настойчиво приглашает пройти с ним к знакомым, у которых он обычно останавливается.

Длинной улицей проходим через поселок, представляющий из себя то ли маленький городок, то ли разросшееся село. Здесь трехэтажные дома чередуются с избами и бараками, а бетонные здания советских времен соседствуют с хвастливыми новостройками под ядовито-красной черепицей западного образца. Наш провожатый рассказывает о своих злоключениях:

– Эта милиция совершенно озверела! – почти кричит он, выпучивая глаза. – Как еду в электричке, так обязательно пристанут. Начинают с проверки документов, потом тащат в отделение, а уж там обязательно в «обезьянник» затолкают и все деньги выгребут до копейки. А еще могут вещи отобрать, если, конечно, ценные. Они как увидят бороду, так она им, как красная тряпка для быка. Ох и ненавидят они нашего брата православного!

– А ты молитвой Иисусовой пробовал ограждаться? – ровным голосом спрашивает Валерий.

– Да ты что! Они же все бесноватые! Это же зомби! Их от Иисусовой молитвы аж трясет! Они готовы тебя растерзать!

– А ты не пробовал относиться к ним как к обыкновенным людям, исполняющим свои служебные обязанности? По-доброму... Ведь Господь их тоже любит, тоже спасает, только у них путь спасения другой.

– Что? – зыркает Василий. – Да это же враги! Ты понимаешь – враги!

– А не ты ли сам делаешь их врагами своей ненавистью?

Василий замолкает и, насупившись, идет молча. Должно быть, он жалеет уже, что с нами связался, а может и раздумывает, что бы напоследок с нас поиметь... В это время наш путь пролегает мимо торгового центра с огромными витринами. Несколько иномарок с тонированными стеклами сотрясаются от громкой музыки внутри салонов. Их владельцы вразвалку восседают под яркими синими зонтами уличного кафе, презрительно наблюдая за прохожими. Василий с восхищением рассматривает это сборище свежее испеченных «хозяев жизни».

И вдруг он приходит в неистовый восторг и, открыв рот, останавливает нас перед резиновой фигурой, изображающей милиционера в форме. В области живота находится огромная кнопка, вокруг которой яркая надпись: «бить сюда!» Цена аттракциона – десять рублей.

– Братки, дайте червонец, умоляю! Я сейчас ему вдарю. Я все ему скажу, что о них думаю.

– Успокойся, Василий, – просим его по очереди.

– Ну дайте, ради Бога!

– Только Бога сейчас поминать не стоит!

– Это почему?

– Потому что ты сейчас в обнимку с Его антиподом. Видишь, как он тебя науськивает? И, кажется, ты вполне готов ему подчиниться.

– Ладно, я еще сюда вернусь. У вас что, денег нет? Так давайте насобираем! Вон и церковь рядом. Я там уже стоял. Подают неплохо. Здесь люди богатые имеются.

Оглядываю коренастую фигуру, полную сил и здоровья, и удивляюсь. Впрочем, что это я? Сегодня я такой же нищий, как он. Нет, положительно надо и мне попробовать. Ради опыта. Ради смирения.

На церковной паперти сидит парочка в черных драповых пальто с опухшими лицами. Мы присаживаемся рядом, кладем перед собой головные уборы. Из церкви выходят люди. Не замечая опухших, кладут в наши кепки мелочь. Зато одна старушка подает целый червонец. Да еще взглядом ласковым материнским согревает и к себе в гости приглашает. На домик показывает – вот, мол, мои «хоромы». Нас это радует, но тех двоих почему-то раздражает, и опухшая женщина хрипло командует подельнику:

– Ну-ка, Митька, стоняй за «крышей».

Он послушно поднимается и, прихрамывая, заворачивает за угол. В это время из церкви выходит молодая женщина весьма приятной наружности в дорогом светлом костюме и подходит почему-то ко мне. Задумчиво останавливается, спокойными умными глазами вопросительно смотрит на меня, потом на Валерия.

– Пода-а-айте, сестра, Христа ради, убогим стра-а-анникам, – произношу чужим голосом.

– Да мне не жалко, ребята, только у вас все равно деньги отнимут.

– А мы не позволим! – сообщаю с готовностью, бросая суровый взгляд в сторону представительницы местной мафии.

– Ну, еще не хватало драку у церкви устроить. Лучше, пойдете ко мне. Я вас и накормлю, и помыться у меня можно, если желание имеется.

Нет, не получилось у нас пониженствовать да поюродствовать. Что ж, значит, нет на то высшей воли. Со вздохом встаю, остальные тоже. Не сговариваясь, высыпаем с Валерием мелочь в полиэтиленовый мешок, подаем опухшей женщине и сходим со ступеней. Василий что-то ворчит под нос.

В это время из-за угла выходит хроменький Митя. За его хилой фигурой следует бритоголовый качок лет семнадцати. В упор гляжу в его злющие глазки на детском округлом лице. Он нерешительно замирает. Мы же удаляемся. Видимо, представителю криминальной «крыши» надо как-то оправдать свою нерешительность, и он замогильным голосом констатирует: «Уходят... Испугались, лохи городские...»

Идем гуськом по узкой улице, сворачиваем в уютный проулок и доходим почти до края поселка. Потом сидим на просторной кухне частного дома. По всему видно, здесь недавно закончили ремонт: все вокруг сияет новизной и чистотой. Наша благодетельница Ирина, облачившись в передник с веселыми ромашками, ловко собирает на стол. С интересом выслушивает эмоциональный рассказ Василия о его сложных отношениях со стражами порядка. Только почему-то смотрит она все время не на Васю, а на нас с Валерием, молча перебирающих четки под столешницей.

– Ну, а вас, ребята, в милицию часто забирают? – спрашивает Ирина, когда рассказчик истощился и с аппетитом набросился на салат и горячий борщ.

– Ни разу не трогали. Наговаривать не стану, – сообщает Валерий, так как я молчу: сказать мне пока нечего.

– Вот видите, Васенька, вам есть у кого поучиться, – мягко советует хозяйка нашему агрессивному коллеге.

– Делать нечего!.. – огрызается тот, накладывая себе в тарелку пяток румяных котлет с горой жареной картошки.

– Как же, ведь мы христиане, и во всем должны мирные решения искать. Разве не так?

– Как говорил святой Филарет, врагов веры нужно уничтожать. Зря, что ли, у нас половина святых – воины?

– Ну, ладно, кушайте на здоровье, – вздыхает Ирина, смиренно отступая.

Пока Василий молчит, в доме стоит тишина. Здесь уютно и спокойно. Огонек оранжевой лампадки в Красном углу, будто капля янтаря под солнцем. Сама же хозяйка излучает дивную тихую доброту и ненавязчивое гостеприимство. Она почти не ест, только салат слегка вилкой трогает. Несколькими фразами описывает свое житье-бытье.

Живут они со старенькой мамой вдвоем. Ирина вместе с подругой открыли свою юридическую фирму, где консультируют малообразованных сельчан. Используя прежний опыт работы в исполкоме, они помогают в оформлении и прохождении официальных бумаг. Случались ли попытки вымогательства с криминальной стороны? Ну, что вы! Они же сами и прибегают к услугам фирмы. Так что они с подругой со всеми живут в согласии. «Каменных палат» не нажили, но на жизнь достойную хватает.

В это время на кухню входит заспанная старушка на костыле. Увидев нас, оживает:

– А, мамынька, экие гости! Да в бородах... Не старообрядцы, нет? – бдительно интересуется.

– Православные.

– Это хорошо, а то у нас тут расплодилось енти... эгоисты, да проститанты, – сетует она.

– Иеговисты и протестанты, – «переводит» с улыбкой Ирина.

– А как в точку-то! – восхищаюсь. – Э нет, русского человека этими западными штучками не надуешь – он сразу в корень смотрит и – в-в-ж-ж-жик – косой по сорнякам.

– Это за нами не заржавеет, – решительно заверяет старушка. А сама пристально всматривается в наши лица. И радостно сообщает: – Да я вас знаю! Ты, – указывает на Василия, – у Нины Самохиной останавливаешься. У нее еще после тебя иконки бумажные появляются, а деньги пенсионные пропадают. Ты, – палец упирается в Валерия, – Крестным ходом с нами ходил в прошлый год. А тебя, – доходит очередь и до моей особы, – я, кажись, по телеку видела. Ну, ровно ты, только без бороды и в красном пинжаке с лампасами на груди.

– Мамуль, может, ты салатик свеженького с нами поешь?

– Так ты, поди, «манифестом» его унавозила!..

– Мамуль, не «манифестом», а майонезом.

– Не стану с «манифестом». Ты мне чистый подай, чтоб витамин живой в ём резвился.

– Ладно, сейчас порежу.

– Порежь. Поди не переломишься. Вона как жить стали, – подмигивает старушка всем сразу. – Сама рыбка золотая мне на посылках служит!

– Ну что ты, мамулечка, какая рыбка?.. Все шутишь? Запивать-то чем будешь?

– А ты в «стервос» мятки запарь. Она кусачая, когда в «стервосе»!

– Тебя как зовут? – спрашивает меня бойкая старушка. И, получив ответ: – Ты это, Тишка, хватит ходить-гулять-то! Хошь, тебя Иринке сосватаю?

– Мамуля! – прыскает в ладошку Ирина. – Ну что ты такое говоришь?

– А чё, плохая девка?

– Очень даже наоборот, – соглашаюсь. А в это время услужливое воображение рисует мое возможное будущее проживание в этом тихом доме с замечательной православной женщиной.

...Перед уходом с кухни, убеждаюсь, что меня никто не видит. И протягиваю левую ладонь над горячей газовой конфоркой. Когда боль от руки разливается по всему телу, а кровь готова закипеть – отнимаю от огня ладонь с огромным волдырем по центру. И, зажав боль в кулак, выхожу в прихожую прощаться.

– Ты тоже этот прием знаешь? – спрашивает Валерий, пользуясь суетой.

– Так. Уходим.

– Да уж... А то рук не напасешься, – едва заметно улыбается странник.

Ирина протягивает сотенную купюру Василию. Тот хватает ее, рассматривает на свет и с вождением произносит: «де-е-енюжки!» Мы с Валерием от протянутых денег вежливо, но настойчиво отказываемся:

- Спаси вас Господи, Иринушка, за доброту, но у нас деньги еще есть.
- А что же вы на паперти делали?
- Опыт наживали.
- Выходит, я вам помешала?
- Ничего страшного. Зато с вами Господь познакомил.
- Вы теперь, как в наших краях будете, заходите. Без стеснения. Простите нас, если что...

На улице Василий спешно прощается с нами: то ли мы ему надоели, то ли резинового милиционера бить собрался... А мы со странником сворачиваем в сторону «хором» давешней доброй старушки, которая нас пригласила, где и ночуем в молитве да спокойствии.

Три богатыря

С рассвета до полудня идем бодро. Признаться, я уже «расходился». Шаг мой приобрел легкую упругость. Сознание все легче выходит из рассеяния и углубляется в область молитвы. Сегодня солнце припекает особенно крепко. Но вот и деревня. Крайний дом и следующие за ним два – безжизненны. А вот и живой человек. Навстречу идет бородатый мужчина с загорелым лицом в свитере, протертом до прозрачности. Взгляд его спокойный и уверенный, но смирный. Кажется, наш.

- Мир вам, братья, – кивает он, поравнявшись с нами. – Странники?
- Да. Здравствуй, брат. Водицей не напоишь?
- Нет ничего проще. Пойдемте.

Заходим в избу. За сеньями на летней веранде утоптанное сено вперемешку с козым пометом. В горнице беспорядок. Видимо, хозяин готовится к рыбалке: кругом развешаны сети, разложены снасти. Кроме того, на веревках сушатся грибы и травы. На столах горками лежат огурцы, кабачки и бурые помидоры. Перед Красным углом – грубоватый аналой с потертыми молитвословами, псалтирью и Библией. Иконки, в основном, бумажные, но есть одна маленькая Казанская старинного письма. И так же две большие, видимо храмовые, но с трещинами и отслоением краски.

Хозяина зовут Николай. Вода у него сладкая. Он предлагает нам пообедать вместе. Бесшумно входят еще двое бородачей. Один великан, с длинными волосами, перехваченными на лбу черной лентой с молитвой «Живый в помощи» в черной джинсовой рубашке, сильно выгоревшей. Другой едва достаёт макушкой ему до плеча, с короткой стрижкой, в кожаном жилете в молниях и карманах, небрежно надетом на голое тело. Они принесли ведро свежей рыбы, кажется, карасей. Знакомимся. Молчаливый великан – Егор, малорослый – Дмитрий.

Сидим вокруг ведра и чистим мелких карасей. Две упитанные кошки ластятся к ногам. Но суровые хозяева не спешат кормить их с рук. Когда разделка рыбы закончена, я ставлю миску с кошачьим кормом на пол. Сам споласкиваю руки. Оборачиваюсь – миска пуста, а кошки сыто облизываются. Ну ладно мягкие ткани, но головы с хвостами вот так разом проглотить – это, конечно, надо иметь практику. Часть рыбы хозяева жарят на сковороде, а из второй половины варят густую уху с грибами и пшеникой.

За столом разговорчивый Дима рассказывает про жите-бытье. Оказывается, у каждого из трех богатырей, как я их про себя назвал, имеется дом в этой деревне. Причем, основатель их братства – Николай, поселился здесь первым. Он офицер в отставке по ранению. Следом здесь появился Егор, а последним в прошлом году – сам рассказчик.

Дима занимался бизнесом. Была у него своя лесопилка, магазинчик, пара машин и просторный дом. Но как деньги появились, начал страдать запоями, все пропил, спустил. Последнее, что осталось от прежних богатств – дом в этой деревне, который он как-то давно купил под дачу: уж больно места здесь грибные и рыбные. Сейчас у него на спиртное «вечная епитимия».

Прежде чем рассказать о Егоре, взял у него разрешение. Кстати, оба наши молчуна – Валерий и Егор – сознательно или бессознательно держатся вместе. Правду говорят, что подобное притягивается подобным. Получив от Егора молчаливый кивок, Дима заговорщицки улыбается:

– А это наш раскаявшийся разбойник. Работал он в области у небезызвестного Ваню бригадиром, то есть по-ихнему, быком. Да вот проблема – подсел на кокаин. Однажды перебрал наш Егорка с дозой. Перед самой разборкой нюхнул для храбрости и «улетел» так высоко, что приземлился аж в соседнем селе, что в трехстах километрах от областного центра. Там у нас храм во имя Георгия Победоносца, его небесного покровителя. Видать, он Егорку сюда к себе и привел, пока он летал на кокаиновом дирижабле. Отмок наш летчик в святом источнике, а

батюшка его благословил причащаться каждое воскресенье. Ну, парень он упертый. Сами знаете, разбойничий бизнес приобщает к дисциплине труда. Приказали ему – умрет, но сделает. Так он с кокаина-то и слез с помощью своего победоносного покровителя. Да вот незадача: как прозрел, так замолчал. Слова от него не добьешься. А Николай про себя сам расскажет. Он, в отличие от Егорки, говорить еще не научился.

– А что мне рассказывать? – почесал затылок Николай. – Воевал на двух войнах. Насмотрелся ужасов, крови, предательства. Вернулся домой, а там еще хуже. Друзья пьют и деньги делают. Пробовал устроиться на работу, но... Не умею перед начальством стелиться, особенно когда оно хамит и ворует. Я так: что думаю, то и говорю. Пока работал, кое-как скопил на дом. Купил и переехал сюда жить. Пока еще совхоз живым был, я на тракторе работал. Здесь моя военная профессия пригодилась: я служил в танковых войсках. А потом все развалилось. Теперь мы тут сами выживаем, как можем. Земля, лес да река нас кормят. Зимой срубы собираем, потом продаем. Покупатели пока есть. Стадо козочек завели. Молоко, сыр и мясо – свои. Что рассказывать? Не знаю.

– А что за иконы у тебя?

– Маленькая Казанская – это келейный монашеский образ. А большие принесли для реставрации. Видать, они из разрушенного храма. Кто-то из деревенских сохранил, а потом они по рукам ходили, пока к нам не пришли, – Николай улыбается. – С ними тут чудо произошло. Есть у нас в деревне ребята лихие. Все знают, что они дома обчищают, но ничего поделать с ними не могут. Однажды мы в храм на праздник ушли. Когда вернулись, смотрю: нет икон. Мы к воришкам, а они в скит подались. Есть у них в лесу своя охотничья заимка. Идти туда мы остереглись. Там они хозяева, в случае чего и застрелить могут. Что с пьяных-то взять? Стали за них молиться втроем, поклоны класть. Ведь это тебе не вязанку дров украсть – святые иконы! А через два дня воришки сами пришли. Поставили бутылку самогона, сами пьют и плачут. Говорят, что покоя лишились, по ночам страх нападает жуткий. Да еще вот эта маленькая Казанская... Они ее, когда по лесу несли, в траве потеряли. Пошли искать – а она на пеньке стоймя стоит! Представляете? Короче, принесли они иконы и умоляли обратно взять, а то им жить страшно стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.